ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Ўн тўртинчи йил нашри

9
1970

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания четырнадцатый

К 2500-летию Самарканда

И. М. МУМИНОВ

САМАРКАНДУ — 25 ВЕКОВ

Далеко за пределами нашей Родины известен Самарканд — крупный индустриальный и культурный центр страны; город рабочих, инженеров, техников, служащих пятидесяти промышленных предприятий и многих строящихся заводов и фабрик; профессоров, преподавателей и студентов шести вузов и многочисленных средних учебных заведений; работников государственных, общественных, хозяйственных, кооперативных организаций; город славных революционных, боевых и трудовых традиций.

За 25 веков своего существования Самарканд прошел большой и сложный исторический путь, основные этапы которого это — древнее поселение на месте городища Афрасиаб — XII—VI вв. до н. э., Мараканда — V в. до н. э., Самарканд — Симизкент — до XIII в., Симизкент — Самарканд в XIV — XV вв. как столица Мавераннахра, Самарканд с конца XVI до середины XIX в. в составе Бухарского эмирата, Самарканд в колониальный период (1868—1917 гг.), Самарканд советской эпохи. И каждый исторический период в жизни города имеет свои особенности, воплощает дух времени и аромат эпохи.

Подобно всем городам мира, Самарканд складывался и развивался, как город, на основе объективных законов исторического развития общества (развитие ремесел, торговли, централизация власти, возникновение крупных государственных образований).

На наш взгляд, в истории Самарканда можно выделить пять главных периодов. Первый период относится к эпохе родоплеменного строя и начала формирования рабовладельческих общественных отношений, когда здесь возникает крупный населенный пункт, по времени восходящий к VIII—VII вв. до н. э. Второй — охватывает эпоху рабовладельческого общества и период зарождения и развития феодальных отношений — с VI—IV вв. до н. э. до XIII в. н. э. Судя по данным археологических раскопок на Афрасиабе, территория города за это время почти не изменилась.

В результате завоевательных походов Чингиз-хана город в 1220 г. был стерт с лица земли, а затем возродился уже на новом месте — вне границ Афрасиаба. Начало нового (третьего) периода жизни Самарканда относится к 70-м годам XIV в., когда он стал столицей обширного государства Тимуридов.

Четвертый период в истории города связан с присоединением Средней Азии к России, появлением наряду со старым, средневековым городом новой его части европейского типа.

И, наконец, Великий Октябрь открыл новую эру в истории Самарканда — одного из крупных центров революционного движения, становления и развития социалистической экономики и культуры в Средней Азии.

* *
*

Древнейшую предысторию Афрасиаба — Мараканды — Самарканда раскрывают богатые материалы, полученные археологической экспедицией АН УзССР и СамГУ им. Навои под руководством Д. Н. Лева в 1958—1964 гг. на Самаркандской палеолитической стоянке, которая обнаружена в центре современного города (на территории Комсомольского озера). Она датируется эпохой верхнего палеолита и свидетельствует о том, что еще задолго до письменной истории на территории нынешнего Самарканда обитали древние люди, умевшие изготавливать различные орудия из кремня.

Археологическими работами 1965—1968 гг., вскрывшими нижние культурные слои городища Афрасиаб, установлено, что еще в VII в. до н. э. здесь имелось многоотраслевое ремесленное производство и разветвленная сеть ирригации. К этому времени относятся найденные при раскопках типичные для того периода глиняные сосуды и другая домашняя утварь.

Афрасиаб — окруженный рвами холм по соседству с речкой Сиаб имел цитадель и был укреплен земляными стенами-валами с четырьмя воротами: северными, южными, восточными и западными. Возможно, он стал впоследствии одной из резиденций легендарного царя Турана Афрасиаба, воспетого Фирдоуси в его бессмертной «Шах-наме».

По сообщениям античных историков, в том числе Квинта Курция, Самарканд при завоевании его Александром Македонским был хорошо укрепленным благоустроенным городом (по окружности более 10 *км*), а народ его — мужественным, высококультурным и благородным. Очевидно, греческие историки называют Мараканду именно Самарканд, описывая героическую борьбу согдийцев против греко-македонского нашествия.

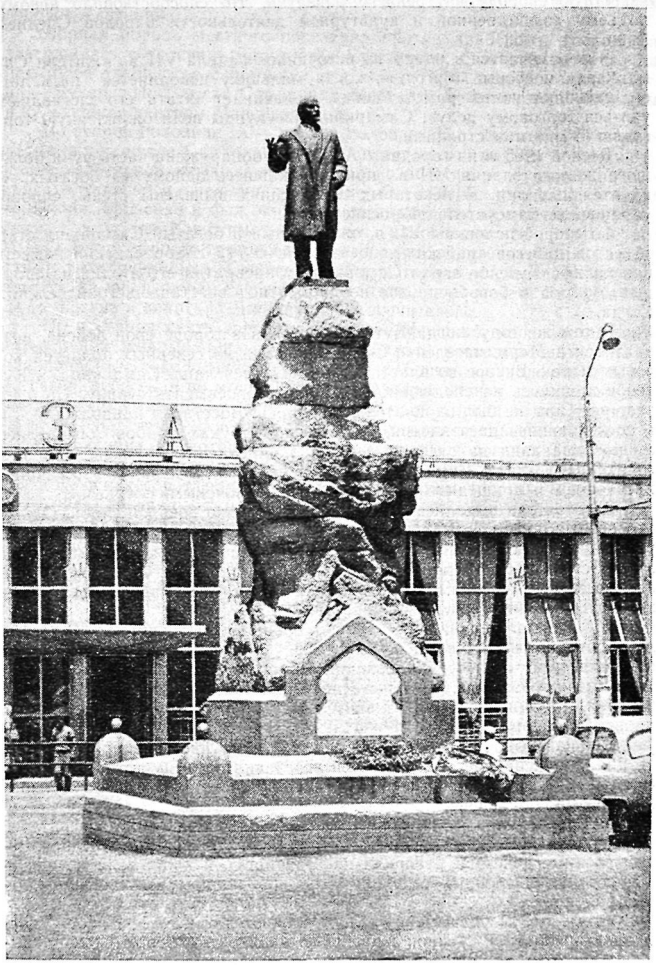
В 329 г. до н. э. Александр Македонский, штурмом овладев Мараканды — столицей Согдианы, разрушил его, но затем восстановил цитадель для своего гарнизона. Бабур, говоря о постройке Самарканда Александром Македонским, видимо, имел в виду именно это обстоятельство.

В дальнейшем Самарканд, как и другие районы Средней Азии, входил сначала в состав государства Селевкидов, затем Греко-Бактрийского царства, во главе которого стояла греко-македонская военщина в союзе с местными князьями-аристократами. Во II в. до н. э. оно распалось под ударами местных, преимущественно кочевых племен, а позднее, уже в начале нашей эры, на развалинах Греко-Бактрийского царства образовалось Кушанское царство, куда входил и Самарканд. По данным последних исследований Г. А. Пугаченковой, центр этого царства лежал в южной части современного Узбекистана.

Интересные данные по истории Самарканда того времени получены В. А. Шишкиным. Судя по археологическим материалам, город еще до нашей эры и в первые века нашей эры переживал эпоху расцвета.

Богатое и могущественное в первые столетия своего существования Кушанское царство в III—IV вв. н. э., как пишет В. А. Шишкин, пришло в глубокий упадок, вызванный непрерывными внутренними неурядицами и постоянными войнами. Но, очевидно, еще большее значение имели изменения социально-экономического порядка.

Положение Самарканда как города изменилось в V—VI вв. н. э., когда произошло укрепление вновь образовавшихся государств-княжеств. В середине V в. господство в Средней Азии установили правители эфталитов, а в VI в.— тюркские каганы. Но и те и другие, видимо,



Самарканд. Привокзальная площадь. Памятник В. И. Ленину.

мало вмешивались в дела среднеазиатских княжеств, предоставив им известную свободу внутреннего развития, что способствовало новому подъему хозяйственной и культурной деятельности народов Средней Азии.

Как отмечается в одном из источников начала VII в., «жители Самарканда искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу». Самаркандские купцы вели оживленную торговлю со многими странами.

Весной 1965 г. на городище Афрасиаб обнаружена часть руин большого жилого здания VII в., принадлежавшего одному из богатых и влиятельных лиц. В некоторых помещениях выявлены стены, сплошь украшенные замечательной росписью.

Со второй половины VII в. оживленный и богатый Самарканд стал объектом набегов арабских завоевателей. В 712 г. хорасанский наместник халифа Кутейба занял Самарканд и превратил его в один из опорных пунктов в борьбе против неоднократно восставшего населения Согда.

В том же году, когда Кутейба, оставив в городе свои войска, возвратился в Мерв, население Согда призвало из северных областей кочевых тюрок. Вскоре во власти арабов остался лишь Самарканд, и Кутейбе пришлось на следующий год вновь завоевывать страну. Но и на этот раз Согд не был окончательно покорен. Восстания продолжались и в последующие десятилетия, и нередко в руках арабов оставались лишь Самарканд да отдельные хорошо укрепленные пункты, а в 30-х годах VIII в. даже Самарканд, хотя ненадолго, был занят восставшим населением и пришедшими ему на помощь кочевыми тюрками.

Завоеватели пытались действовать не только военной силой. Одним из средств подчинения местного населения служило распространение религии ислама. Где силой и угрозами, где обещаниями мнимых благ арабы стремились внедрить ислам в Средней Азии. Они разрушали старые согдийские храмы огнепоклонников «магов», преследовали жрецов, уничтожали культурные ценности.

Абу Райхан Беруни (X—XI вв.)сообщает: «И уничтожил Кутейба людей, которые хорошо знали хорезмскую письменность, ведали их предания и обучали существовавшим у хорезмийцев наукам, и подверг их всяким терзаниям». Насильственное уничтожение местной культуры, которая, несомненно, была значительно выше культуры завоевателей, происходило и в Согде.

В начале IX в. в Самарканде вспыхнуло крупное антиарабское восстание. Движение местных жителей возглавил один из арабских военачальников — Рафи ибн Лейс. Восстание продолжалось около четырех лет, но было подавлено.

Более полутора веков шла упорная борьба арабских завоевателей со свободолюбивым населением Согда, Ферганы и Шаша. Непрерывные военные действия разорили некогда богатый край, вели к уничтожению многочисленных селений и городов, полному опустошению целых районов.

Явные следы разрушения обнаруживаются и на Афрасиабе. Украшенное прекрасной стенной живописью здание, о котором сказано выше, оставалось, по-видимому, некоторое время пустым. Кто-то, возможно арабы, смотревшие на изображения людей как на нечто запретное, не дозволенное исламом, попортил живопись, перерезав изображения людей ножом или другим острым орудием. Можно полагать, что город в целом пережил период запустения, если не полного, то на значительной территории, пока он вновь не был заселен возвратившимися са-

маркандцами, а возможно, и переселенцами из других разрушенных городов и селений.

Упорная борьба местного населения против арабского господства завершилась созданием государства Саманидов, столицей которого на некоторое время стал Самарканд, а с конца IX в., при Исмаиле Самани,— Бухара. Но и тогда Самарканд оставался важным экономическим и культурным центром Мавераннахра.

Во второй половине IX — первой половине X в. население Мавераннахра, в том числе Самарканда, переживает новый подъем экономической и культурной жизни. Город не только восстал из руин, но расширился и украсился новыми зданиями. Он занимал тогда весь холм городища Афрасиаб и был окружен мощными стенами с четырьмя воротами. К югу, за Кешскими воротами, находившимися близ мечети Хазрат-Хызр, выросло торговое предместье (рабад) с базарами и мастерскими ремесленников. Жизненные центры города постепенно перемещались на юг, в район, где ныне находятся руины мечети Биби-Ханым, до Регистана и квартала Джакардиза включительно.

Но и старая часть города, на холме Афрасиаб, продолжала жить интенсивной жизнью. Она хорошо орошалась несколькими каналами, начинавшимися около мечети Хазрат-Хызр. Один из каналов шел прямо на север, пересекая по мощной дамбе широкую низину у подножья холма-цитадели, и снабжал водой северную часть города по водопроводам из гончарных труб — кубуров. Два других магистральных канала шли в направлениях, по которым теперь проложены дороги на Ташкент.

Вдоль этих каналов проходили магистральные улицы, начинавшиеся у Кешских ворот: западная шла к Бухарским воротам (к мосту через Сиаб), средняя — к цитадели, восточная — к воротам, находившимся в северо-восточном углу городища. Раскопками обнаружены остатки еще одного канала, шедшего в сторону Шахи-Зинда. От крупных оросителей отводилась мелкая распределительная сеть.

К голове распределительной сети (у мечети Хазрат-Хызр) вода подводилась с юга, видимо, каналом, проходившим через квартал Джакардиз. Поскольку местность между этим кварталом и стенами древней части города находилась в низине, древние ирригаторы возвели замечательное для своего времени сооружение, пропускавшее воду по аркаде, подобно знаменитым водопроводам древнего Рима. Канал был обложен свинцом и потому известен под названием Джуи-арзиз («Свинцовый канал»). Возможно, что сооружение это, свидетельствующее о высоком мастерстве древних строителей, было построено еще до арабского нашествия.

В городе имелось много колодцев большой глубины, ибо уровень грунтовых вод здесь находился далеко от поверхности.

Историки и географы средневековья сообщают, что улицы Самарканда были вымощены камнем. Это подтвердили раскопки. Так, в 1965 г. в центральной части городища Афрасиаб был открыт значительный участок, замощенный кусками ломанного сланца, добывавшегося с *близлежащей возвышенности Чупаната*.

Пожалуй, самое жестокое потрясение Самарканд испытал в марте 1220 г., когда к нему подошли полчища Чингиз-хана, захватившие в феврале того же года Бухару и значительную часть долины Зарафшана.

Правивший в то время хорезмшах Мухаммед, под властью которого были объединены области Средней Азии, принял, как показывают исследования городских стен Афрасиаба, меры к укреплению города. Стены его в значительной части были отремонтированы. В самом городе находилось много войск (по одним данным — свыше 100 тыс., по

другим — около 40 тыс.). Однако феодальные неурядицы, вражда между хорезмшахом и непокорными военачальниками-феодалами не позволили организовать действенную оборону. Через несколько дней осады главари войска решили сдаться. Только в более укрепленной северной части города продолжала обороняться кучка храбрецов. Последние защитники города (около тысячи человек), укрывавшиеся в соборной мечети, были перебиты, а мечеть сожжена.

Город подвергся жестокому грабежу. Тысячи искусных ремесленников, которыми так славился Самарканд, были уведены в рабство и розданы сыновьям и родственникам Чингиз-хана. На оставшуюся часть населения завоеватели наложили огромный выкуп.

После страшного разгрома в городе осталось, как сообщает один побывавший в Самарканде путешественник, не более четверти населения. Оно разместилось в северной половине «старого города», где раньше находился рабад — торговое предместье. Древняя же часть (на холме Афрасиаб) опустела навсегда, превратившись в груды развалин. Одной из важных причин того, что жизнь на Афрасиабе больше не возродилась, несомненно, было разрушение Чингизидами такого замечательного сооружения, как «Свинцовый канал», восстановление которого оказалось уже не под силу опустошенному Самарканду.

Медленно и упорно восстанавливался Самарканд в XIII и XIV вв. Большие строительные работы развернулись здесь при Тимуре. Как заметил В. В. Бартольд, Самарканд, по мысли Тимура, должен был стать первым городом в мире. Эта мысль отразилась и в постройке вокруг Самарканда ряда селений, получивших название главных городов мусульманских стран: Багдад, Дамаск, Миср (Каир), Шираз, Султания.

О Самарканде писали историки, летописцы; поэты слагали о нем песни и газели; путешественники и ученые многих стран Востока и Запада восхищались им как средоточием художественной и научной мысли, центром чудесных монументальных творений народных умельцев, искусных зодчих, прекрасных строителей, запечатлевших в веках гений народа.

Наши историки еще в 40-х годах отмечали необходимость всестороннего исследования социально-экономических отношений в феодальном государстве Тимура, однако мы до сих пор не имеем капитальных научных трудов по данной проблеме, раскрывающих, в частности, классовые отношения и глубокие антагонистические противоречия, политические течения и борьбу между ними в государстве Тимура.

После захвата Средней Азии войсками Шейбани-хана начинается новый этап в жизни Самарканда. Он вошел в состав государства Шейбанидов, столицей которого стала Бухара.

В XVIII в. в результате внутренних феодальных неурядиц, разоривших Мавераннахр, и нашествия иранского шаха Надира Самарканд еще раз опустел. Великолепные здания медресе и мечетей, возведенные в XVI—XVII вв., стояли заброшенными и подвергались разрушению. Лишь в городской цитадели ютилась кучка семей, которым некуда было податься. Но и после этого город вновь начал подниматься и к середине XIX в. был заселен, в частности пришельцами из других областей и районов.

В начале 40-х годов XIX в. Н. В. Ханыков писал: «Самарканд, про который поэты сказали, что он рай земли, должен был много потерять, чтобы дойти до настоящего своего положения, хотя оно не так плачевно, как можно было думать из рассказов. Стена его находится в хорошем состоянии, она имеет вид довольно правильного четырехугольника, северная сторона коего, впрочем, шире. Наиболее неправильной представлена она с западной стороны, где цитадель выдалась довольно да-

леко из городской стены, в ней так же, как и в бухарской стене, сделаны бойницы и бурджи, вышина и толщина ее те же, как и в Бухаре. Ворот в городе шесть. Они суть: 1) Деруазия Бухара; 2) Деруазия Пайкобак; 3) Деруазия Хазрияти Шахи-Зинда; 4) Деруазия Каландар Хане; 5) Деруазия Сузангирон; 6) Деруазия Ходжа-Ахрар. Окружность города составляет 13 верст, а квадратная поверхность его равна 2 280 000 квадратным саежням, или 2533,3 танапам, следовательно, более нежели 500 танапами превышает пространство, занимаемое Бухарой, но это происходит от большого числа садов, находящихся в городе. В прежние времена пространство, занимаемое городом, было несравненно более, остатки стены ,окружавшей его, находятся верстах в 4 от настоящей с Западной стороны, с Северной же все пространство почти до самого Зарафшана, т. е. верст на 6, покрыто развалинами, называемыми Калои Афрасиаб, впрочем надобно заметит, что такое протяжение город имел гораздо прежде Тимура, при нем же объем его был тот же, что и теперь, с той только разницей, что обработанность его окрестностей была несравненно более, чем ныне, потому что и доселе далеко за пределами обработанной земли попадают остатки садов, бывших в соединении с садами окрестностей Самарканда. Город снабжается водой тремя ручьями, выходящими из Северных скатов Агалык-тау, первый входит в город несколько восточнее ворот Ходжа-Ахрара и, обогнув восточную и северную стены цитадели, выходит на пашни, окружающие Самарканд, второй, втекая в город около ворот Сузангирон, выходит с восточной стороны городской стены и соединяется с третьим ручьем, омывающим ее с этой стороны и впадающим в Обибашарт или Обимашад, как называют ее простолюдины, обтекающим город с севера. Несмотря на такое богатство текущей воды, прорытых канавок, равно как и хаузов, в городе много, число сих последних в точности нам неизвестно. Караван- сараев каменных в городе два, бань три, две из них называют Хаммами Ходжа-Ахрар, третья же Хаммами Мири. Главные примечательности города состоят в остатках времен прошедших, настоящее поколение не только не создает ничего достойного описания, но и разрушает то, что было сделано прежде. Цитадель Самарканда весьма велика; она более Бухарской и даже более Каршинской, окружность ее равняется 3 верстам 100 саженям, поверхность же, занимаемая ею, есть 90 000 квадратных сажень, или 100 танапов. На этом пространстве расположены кладбище Кутби Чахар-духум, дворец Эмира, в коем находится тот знаменитый синий камень, на котором всякий хан должен непременно воссесть, чтобы не оставить сомнений в своем Эмиратстве».

Так выглядел Самарканд, согласно сведениям Ханыкова, накануне завоевания его царизмом.

Присоединение Самарканда к России (1868 г.) довольно быстро изменило его облик. Стены, ворота крепости исчезли, появились новые, европейского типа строения, составившие основу новой части Самарканда. От древнего города остались лишь руины на Афрасиабе.

В этот период Самарканд становится одним из важных оплотов царской колониальной администрации во главе с туркестанским генерал-губернатором в Ташкенте. Колониальные власти все более усиливали национальное и социальное угнетение широких масс.

Если в условиях античного мира Самарканд как столица Согдианы был средоточием различных форм эксплуатации рабов, ремесленников и крестьян, а при господстве феодального способа производства — важной базой притеснения крестьян и кустарей, то во второй половине XIX — начале XX в. Самарканд и его округа стали очагом социального и национально-колониального гнета. На этой основе происходит углуб-

Геатральная площадь в Самарканде.

ление противоположности между Самаркандом и окружающими его сельскими поселениями.

До победы Октября в Туркестане и народных советских революций в Хиве и Бухаре страна насильственно удерживалась в роли поставщика различного сырья для промышленности метрополии. Это усугубляло отсталость страны, мешало развитию здесь промышленности и рабочего класса.

Эксплуататорская верхушка всячески разжигала вражду между трудящимися города и деревни, представителями различных национальностей.

Положение трудящихся города было невыносимым. В кварталах, где жило трудовое население, господствовали нищета и болезни. О широкой медицинской помощи народу не могло быть и речи.

Улицы города были узкие, кривые, лишенные зелени, дома глинобитные, без окон. Парки и другие места отдыха были недоступны простому народу. Одним из больных вопросов оставалось водоснабжение, хотя по многочисленным арыкам текли воды, загрязнение которых считалось страшным грехом. Хаузы-водоемы кишели бесчисленными микробами — носителями всевозможных болезней.

Расположенные в городской черте кладбища придавали городу мрачный вид. Многочисленные мечети, а также находившиеся в руках духовенства мактабы и медресе были рассадниками невежества и мракобесия.

В 70—80-х годах XIX в. появилась, как мы уже говорили, новая часть города, в которой поселилась военно-колониальная администрация, а в старом городе сосредоточились так называемые местные правители. В старом городе еще господствовало ремесленное производство (шелкоткацкое и др.), а в новом постепенно начали возникать заводы и фабрики, зарождался рабочий класс; в старом — господствовал ислам, а в новом, кроме культовых зданий христианской религии, стали появляться просветительные учреждения, как русско-туземные школы, библиотеки, музеи, кино, возводились здания на основе европейской архитектуры, по новым принципам градостроительства.

Между старой и новой частями Самарканда пролегла ярко выраженная межа, созданная колониальной политикой царизма и направленная на усиление отчужденности между народами.

Важнейшим прогрессивным явлением в жизни Самарканда второй половины XIX — начала XX в. было то, что он стал играть существенную роль в национально-освободительном и рабочем движении, пропаганде европейской, передовой русской культуры и социал-демократических идей в Средней Азии. Этому прежде всего способствовало возникновение здесь промышленных предприятий, проведение железной дороги, появление светских школ, типографии и т. д. В начале XX в. в Самарканде сложились социал-демократические группы, в которых все более усиливалось большевистское влияние. Большевики Самарканда вели активную революционную работу в массах. Трудящиеся города, прежде всего рабочие, сыграли большую роль в революциях 1905—1907 и 1917 г.

Соединение национально-освободительного движения с мощным революционным движением российского пролетариата, руководимого ленинской партией, привело к уничтожению ненавистного народу царского самодержавия, его военно-колониальной администрации, к завоеванию трудящимися Туркестана свободы и независимости.

Великий Октябрь, открывший новую эру в истории человечества, ознаменовал и начало новой жизни Самарканда.

* *
*

Самарканду суждено было стать одним из первых опорных пунктов Советской власти в Средней Азии и одним из областных центров Туркестанской АССР, а после национального размежевания (1924 г.) — первой столицей Узбекской ССР (1925—1930 гг.).

Победа Октябрьской революции и построение социализма совершили коренной переворот в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Самарканда. Будучи столицей республики, Самарканд сыграл ведущую роль в разработке и осуществлении важнейших мероприятий по промышленному развитию Узбекистана, проведению земельно-водной реформы и социалистическому преобразованию сельского хозяйства, фактическому раскрепощению женщин местных национальностей, развертыванию культурной революции, воспитанию трудящихся в духе великих идей марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма, дружбы и братства народов.

Некогда Самарканд был широко известен как центр творчества титанов научной и художественной мысли средних веков. Через Самарканд держал путь в Бухару мудрый Рудаки. Великий Улугбек основал свою школу астрономов, построил медресе и обсерваторию и создал всемирно известное сочинение «Зиджи Курагони» — квинтэссенцию научной и теоретической мысли своего времени. В Самарканде учились и творили некоторое время гениальные поэты-мыслители Абдурахман Джами и Алишер Навои.

Самарканд и в советское время славится своими учеными, поэтами, художниками, народными умельцами, людьми, отдающими все силы и знания строительству коммунизма.

В годы Советской власти в Самарканде бывал и работал В. В. Бартольд, жил и трудился археолог-энтузиаст В. Л. Вяткин. Весомый вклад в духовное развитие города вложили профессора А. М. Титов, С. А. Лясковский, Н. А. Меркулович, Пулат Салиев, Абдурахман Саади, Атаджан Хашим, Н. Миронов, В. Успенский, А. М. Красноусов, А. А. Макеев и др.

Такие классики советской художественной литературы, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Садриддин Айни, Хамид Алимджан, также многие годы жили и творили в Самарканде. Здесь сформировалась плеяда выдающихся деятелей узбекской советской литературы: Миртемир, Уйгун, Айдын Сабирова, Амин Умари, Усман Насыр, Рано Узакова и многие другие.

Мы гордимся самаркандцами — борцами за власть Советов, героями Великой Отечественной войны, тружениками города и деревни, теми, кто своим творческим трудом вносит вклад во всенародное дело построения светлого здания коммунизма.

В полном расцвете всех материальных и духовных сил идет Самарканд навстречу своему 25-вековому юбилею, становясь все краше и благоустроеннее благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, самоотверженным усилиям самаркандцев, горячо любящих свой город — прекрасную частицу нашей великой социалистической Родины.

Ш. З. САЛЯМОВА

СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ САМАРКАНДА

На рубеже XIX—XX вв. г. Самарканд стал одним из главных центров зарождения и развития революционного социал-демократического движения в Туркестане. Уже с конца XIX в. молодой и еще малочисленный рабочий класс Самарканда вливается в общее русло российского пролетарского движения (волнения самаркандских рабочих в 1895 г., шахтеров Самаркандской области в 1902 г. и др.).

Во главе рабочего движения в Самарканде становятся местные и ссыльные социал-демократы, видные большевики М. В. Морозов, А. В. Худаш, В. В. Быховский и др.

В 1904 г. по инициативе профессионального революционера М. В. Морозова была создана Самаркандская группа РСДРП. В тот период М. В. Морозов был фактически руководителем туркестанских большевиков.

М. В. Морозов и его соратники настойчиво пропагандировали идеи пролетарского интернационализма, организовывали изучение в кружках Программы и Устава РСДРП, марксистской литературы, разъясняли тактику большевиков в канун первой русской революции, установили регулярную связь с Петербургской, Московской, Бакинской организациями РСДРП. Они организовали подпольную типографию, выпускали листовки и прокламации, в которых разоблачались попытки царизма обмануть народ. Прокламации эти распространялись не только среди рабочих, но и в солдатской массе.

Группа РСДРП широко использовала в пропагандистских целях газету «Самарканд», в которой сотрудничали М. В. Морозов, П. В. Позняков и другие большевики. На страницах газеты публиковались материалы, призывавшие трудящихся к борьбе с самодержавием, сообщалось о митингах и забастовках рабочих, излагалось содержание рефератов и лекций, подготовленных М. В. Морозовым, В. В. Быховским, П. В. Позняковым.

Газета рассказывала о восстаниях и волнениях среди солдат России, подробно осветила восстание на броненосце «Потемкин». Много *места в ней уделялось развитию революционного движения в* Туркестане, волнениям солдат в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Чарджуе, Кушке и других городах. Газета последовательно разоблачала колонизаторскую политику царизма, выступала в защиту попранных прав народов Средней Азии.

Самаркандская группа РСДРП установила тесные связи с узбекскими и таджикскими рабочими, вела среди них революционную пропаганду, руководила борьбой за улучшение их экономического положения, вовлекала представителей местных трудящихся в революционную работу. Так, к активному участию в деятельности группы были

привлечены Д. Устабаев, А. Камилджанов, А. Шермухамедов, К. Ашуров, С. Турсунов и др.

Влияние Самаркандской группы РСДРП распространялось далеко за пределы не только города, но и области; с самаркандскими большевиками были связаны рабочие Кизил-Арвата, Чарджуя и т. д.

Кипучая деятельность М. В. Морозова и других самаркандских большевиков способствовала тому, что в момент наивысшего подъема революционного движения социал-демократические кружки Самарканда объединились в городской социал-демократический комитет, в котором большевики имели решающее влияние[1].

С начала 1905 г. в Самарканде и других городах Туркестана прокатилась волна забастовок, политических митингов и демонстраций. В Самарканде дружно прошла стачка рабочих типографии Демурова, *организованная М. В. Морозовым 19 января 1905 г. Рабочие,* среди которых было много узбеков и таджиков, заставили владельца типографии пойти на уступки и подписать соглашение о введении 9-часового рабочего дня, выплате рабочим заработной платы в течение месяца в случае болезни или увольнения с работы «без особо важных причин», признании 19 февраля (день отмены крепостного права в 1861 г.) и 1 мая днями рабочих праздников.

1 мая 1905 г. трудящиеся Самарканда не вышли на работу и под руководством социал-демократов организовали нелегальные маевки. В течение мая большевики Самарканда провели несколько нелегальных сходок рабочих типографий, кустарей и солдат на реке Сияб. Сходки проходили под лозунгом «Долой самодержавие!»

8 мая 1905 г. вспыхнули волнения солдат размещенной в Самаркандской области Ходжентской понтонной роты и Туркестанской военно-телеграфной роты. Солдаты выдвинули ряд экономических требований. *На своих сходках они пели революционные песни и в течение* 4 дней отказывались от пищи.

15 мая забастовали приказчики самаркандских магазинов, затем извозчики, происходили волнения и среди заключенных Самаркандской тюрьмы.

В забастовочном движении вместе с русскими участвовали рабочие коренных национальностей. Так, 12 июля 1905 г. забастовали рабочие чаеразвесочных фабрик Самарканда, где были заняты исключительно узбеки. Они выступали против произвола и самоуправства властей.

В октябре 1905 г. Ташкентская и Самаркандская социал-демократические организации в своих листовках призывали рабочих к всеобщей забастовке. Самаркандская организация РСДРП писала в листовке, что «почти вся армия русских рабочих оставила работу», и призывала: «Бросайте работу! Предъявляйте требования! Организуйтесь! Знайте, что только в единении сила, что только борьбой неустанной, упорной борьбой вы добьетесь своих человеческих прав... Долой самодержавие! Долой эксплуатацию!»[2]

Во всеобщей политической стачке в Самарканде в октябре 1905 г. единым фронтом с железнодорожниками выступили рабочие типографии Демурова, чаеразвесочных фабрик и других предприятий города и области.

Октябрьская политическая стачка в Туркестане закончилась 28 октября. Но вскоре в крае вновь начались забастовки и выступления

---

[1] Революционеры, вожаки масс, Ташкент, 1967, стр. 9.
[2] История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 321.

рабочих и солдат. В первой половине ноября 1905 г. крупные волнения произошли во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне, расквартированном в Самарканде. 8 ноября солдаты предъявили начальству ряд экономических и политических требований, в том числе требование предоставить солдатам свободу слова, собраний и союзов, разрешить посещать общественные места, освободить политзаключенных и т. п. 9 ноября эти требования были опубликованы в газете «Самарканд».

Во второй половине ноября в Самарканде и других городах прошли массовые митинги, на которых большевики призывали трудящихся к решительной борьбе с царизмом, к вооруженному восстанию.

В ответ на эти призывы в ноябре 1905 г. прошли революционные выступления в ряде воинских частей Самаркандской области. Рабочие мастерских ст. Самарканд организовали массовую демонстрацию, железнодорожники ст. Черняево и почтово-телеграфные чиновники Самарканда провели забастовку. Вслед за ними вышли на демонстрацию рабочие депо и мастерских ст. Самарканд.

Ноябрьские волнения солдат и рабочих Самарканда напугали местные власти; обстановка складывалась так, что они ожидали здесь вооруженного восстания. На железной дороге было объявлено военное положение.

1906 год в Туркестане ознаменовался новыми крупными революционными выступлениями, в которых участвовали не только рабочие и солдаты, но и дехкане Самаркандской области.

Царские власти с трудом подавили выступления масс. На участников их обрушился град репрессий. К осени 1906 г. Самаркандская социал-демократическая организация была разгромлена, а в декабре *была закрыта газета «Самарканд».*

Предстояла упорная работа по восстановлению революционных сил и подготовке их для грядущих битв с самодержавием и буржуазией. Эта титаническая работа была с успехом выполнена большевиками в годы реакции и нового революционного подъема.

Большевистские кружки и группы Самарканда и других городов края постепенно собирали силы, восстанавливали связи, усиливали революционную работу в массах.

Так, в 1908—1909 гг. в Самарканде и Ходженте большевики Никифоров, Измайлов и другие организовали антиправительственные сходки и выступления. В Самарканде революционную группу возглавлял Н. С. Милишников, руководивший агитацией и пропагандой, распространением революционных листовок. В 1909 г. под руководством рабочих С. Власова, К. Мануилова, Н. Семенова была проведена забастовка рабочих типографии Демурова в Самарканде. В августе 1911 г. вспыхнула забастовка на Сулюктинских угольных копях Самаркандской области.

Оправившись после поражения, трудящиеся массы России, в том числе Туркестана, вновь поднимаются на борьбу против царского самодержавия. Усиливается работа по восстановлению большевистских партийных организаций. В 1911—1914 гг. в Самарканд приехали после отбытия заключения бывший сотрудник газеты «Самарканд» Г. Н. Клименко, большевики В. Д. Фигельский, Н. М. Марков и др. Они повели большую агитационно-пропагандистскую работу среди трудящихся города и солдат гарнизона.

Самаркандские большевики укрепляли связи с партийными организациями Ташкента, Петербурга, Баку, Тифлиса, Кутаиси.

Под влиянием рабочего движения в Самаркандской области, как и во всем Туркестанском крае, усиливалось аграрное движение. Дехкане отказывались от уплаты налогов и несения повинностей, избивали аксакалов, нападали на баев и т. д.

В годы первой мировой империалистической войны в крае еще более усилилось сопротивление народных масс социальному и колониальному гнету. В 1916 г. оно вылилось в вооруженное восстание, массовое освободительное движение, направленное против царизма и местных феодально-байских элементов. Восстание охватило и Самаркандскую область. Но по существу стихийное и не имевшее пролетарского руководства, оно было жестоко подавлено царскими войсками.

Опыт восстания 1916 г. ярко показал, что широкие дехканские массы могут победить лишь в тесном союзе с русскими рабочими под руководством партии большевиков. Вместе с тем оно свидетельствовало, что и на колониальной окраине назревает революционный кризис.

Как и во всей стране, этот кризис разрешился свержением царского самодержавия в результате победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Весть о свержении ненавистного царского строя была радостно встречена трудящимися Самарканда. Здесь, как и в других городах страны, наряду с органами буржузного Временного правительства были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов.

После Февральской революции партия большевиков вышла из подполья. Освобожденные из тюрем и ссылок тысячи большевиков тут же окунулись в революционную работу. Среди самаркандских большевиков видную роль играли В. Д. Фигельский, С. Чечевичкин, А. Фролов, А. Заманов, М. Ибрагимов, А. Пономарев, В. Усов, А. Шилов, В. Гуща, И. Фоменко, В. Енютин, В. Билик и др.

На первых порах местные большевики входили в единые с меньшевиками организации РСДРП. Такая объединенная группа РСДРП в Ташкенте была создана 5 марта, а в Самарканде — 7 марта 1917 г.

Хотя большевики Самарканда некоторое время оставались в объединенной с меньшевиками организации, они проводили и отстаивали самостоятельную революционную линию, вели активную политическую работу среди русского и коренного населения, пропагандировали идеи братства и равенства трудящихся всех национальностей.

Вокруг большевиков постепенно сплачивались революционно настроенные представители местных трудящихся. Среди них можно назвать Ходжа Сафо Джурабаева, Шамсидина Ибрагимова, Мирбобо Юлдашева, Ишанкула Мирджамалова и других, за которыми стояла такая массовая организация трудящихся города, как союз трудящихся-мусульман «Захматкашлар Иттифоки», в котором летом 1917 г. состояло 1600 человек[3].

Большевики Самарканда терпеливо и настойчиво разъясняли массам антинародную сущность политики буржуазного Временного правительства и поддерживающих его меньшевиков и эсеров, готовили массы к решающей схватке с властью капитала, боролись за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Разгром корниловщины, сентябрьские события в Ташкенте, рост недовольства масс империалистической политикой Временного правительства, вся деятельность большевиков показали трудящимся Са-

[3] Революционеры, вожаки масс, стр. 200.

марканда, что только большевики являются действительными борцами за счастье народа.

К моменту Октябрьских событий, благодаря революционной работе большевиков, Самаркандский Совет фактически парализовал деятельность буржуазных властей в городе.

13 октября 1917 г. в Самарканде открылся III областной съезд Советов. Значительную часть его делегатов составили большевики. Несмотря на яростное сопротивление соглашателей, съезд принял большевистские резолюции. Делегатами на II Всероссийский съезд Советов от области были избраны большевики А. И. Фролов и Д. Т. Деканов.

Весть о свержении Временного правительства была встречена трудящимися Самарканда, как и всей Средней Азии, с огромным энтузиазмом. Самаркандский Совет, возглавляемый большевиком А. Фроловым, начал решительную борьбу за власть. Большевики приступили к вооружению рабочих и формированию Красной гвардии.

В Каттакургане, Джизаке, Ходженте власть в руки Советов перешла еще в ноябре, а в самом Самарканде многочисленная местная торгово-промышленная буржуазия вкупе с русскими капиталистами, офицерами и чиновниками упорно противодействовала установлению Советской власти.

28 ноября 1917 г. большевики собрали экстренное заседание Самаркандского Совета совместно с представителями солдатских комитетов и профсоюзов. Заседание приняло резолюцию о признании Совнаркома РСФСР и Совнаркома Туркестанского края и переходе власти в городе в руки Совета.

Созданные еще в дни Октября отряды Красной гвардии в ночь с 1 на 2 декабря 1917 г. заняли важнейшие пункты города и все правительственные учреждения. 13 декабря съезд Советов Самаркандской области объявил о передаче власти областному Совету.

После победы Октябрьской революции начинается сложный период борьбы за упрочение Советской власти в Туркестанском крае. Огромное значение в этом имело окончательное оформление большевиков в самостоятельные партийные организации, решительный разрыв их с меньшевистскими соглашателями.

Расколовшаяся фактически еще в октябрьские дни Самаркандская объединенная организация РСДРП 4 декабря оформилась в самостоятельную большевистскую организацию, насчитывавшую около 75 человек. В нее вступили все 16 депутатов Самаркандского Совета от «Иттифака» — С. Джурабаев, И. Мирджамалов, М. Акчурин и др. Руководителями организации стали А. Фролов и С. Чечевичкин. Активную роль в партийной организации играли В. Гуща, В. Фигельский, Д. Деканов, В. Билик, В. Енютин.

К июню 1918 г. самаркандская партийная организация насчитывала уже 500 человек. После вступления в нее значительной части самаркандского «Иттифака» местные трудящиеся составили большинство организации.

Численный рост партийной организации, возникновение новых ячеек на предприятиях, в воинских частях вызвали необходимость создания районных комитетов партии. В январе 1918 г. был создан райком партии 1-го района Самарканда, 10 сентября того же года — 2-й райком РКП(б) — на ст. Самарканд. В сентябре 1918 г. возникла вокзальная организация РКП(б) ст. Самарканд, 19 октября — Са-

[4] Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах, Ташкент, 1968, стр. 209—212.

маркандская старогородская организация большевиков[4]. В 1918 г. была создана также организация РКП(б) Багишамальского района Самарканда, а в октябре того же года — Самаркандский обком партии.

С начала 1918 г. под влиянием и непосредственным руководством большевиков Самарканда партийные ячейки и комитеты стали создаваться в уездах и волостях, на железнодорожных станциях, промышленных предприятиях, в красноармейских частях и кишлаках области. К концу 1918 г. только в Ходжентском уезде партийные ячейки были организованы в 9 селениях, а в Самаркандском — в 8 кишлаках[5].

Всего за 1918 г. на территории Самарканда и области было создано 45 уездно-городских, уездных, районных, волостных, кишлачных комитетов, организаций и ячеек РКП(б). В 1919 г. возникло еще 42 комитета и ячейки.

К ноябрю 1920 г. Самаркандская партийная организация насчитывала 8457 коммунистов, в том числе 7616 из местных национальностей. На территории области действовали областной, 5 уездных, 70 волостных и 22 районных комитета КПТ[6].

Широкое вовлечение в большевистскую партию представителей коренного населения было фактом огромной исторической важности, оно свидетельствовало о крепнущей связи пролетарской партии с массами национального пролетариата и дехканства, обеспечивало важнейшие предпосылки успешного развития народов Туркестана по некапиталистическому пути.

Опираясь на растущую активность масс, партийные организации Самарканда и области внесли огромный вклад в защиту завоеваний Великого Октября в годы гражданской войны и иностранной интервенции, в восстановление народного хозяйства в период нэпа, его социалистическое преобразование в годы довоенных пятилеток и дальнейшее развитие в послевоенный период.

Если к моменту национально-государственного размежевания, в январе 1925 г. Самаркандская областная партийная организация насчитывала 3607 коммунистов, которые объединялись в 105 ячейках (в том числе 65 сельских), то на 1 января 1970 г. в областной партийной организации состояло 43 404 члена и кандидата в члены КПСС. Из 1532 первичных партийных организаций 292 действуют на промышленных предприятиях, в строительстве и на транспорте, 186 — в колхозах и совхозах; 64,3% всего состава областной партийной организации непосредственно заняты в материальном производстве[7].

Коммунисты Самарканда выступают активными организаторами масс области во всенародной борьбе за решение грандиозных задач коммунистического строительства в нашей стране.

Ш. З. Саломова

САМАРҚАНД ҚОММУНИСТИК ТАШКИЛОТЛАРИНИНГ БАРПО БЎЛИШИ ВА МУСТАҲКАМЛАНИШИ

Мақолада РСДРП биринчи большевистик тўгарак ва группаларидан то область партия ташкилоти тузулгунга қадар Самарқандда коммунистик ташкилотларнинг барпо бўлиши ва мустаҳкамланишининг қисқача тарихи баён этилади.

---

[5] История коммунистических организаций Средней Азии, Ташкент, 1967, стр. 298.

[6] Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах, стр. 15, 29.

[7] Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах, стр. 103, 104; Коммунистическая партия Узбекистана в цифрах. Статистический сборник, Ташкент, 1970, стр. 76, 78, 96, 107.

Х. Ш. ИНОЯТОВ

УСТАНОВЛЕНИЕ И УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В САМАРКАНДЕ

Самарканд — город славных революционных традиций — внес большой вклад в установление и упрочение Советской власти в Узбекистане.

Трудящиеся города радостно встретили весть о свержении царизма, и уже в марте 1917 г. в Самарканде возникли Советы: Самаркандский Совет рабочих депутатов, Совет солдатских и офицерских депутатов Самаркандского гарнизона, Совет рабочих депутатов станции Самарканд[1], объединившиеся в апреле в Совет солдатских, рабочих и мусульманских депутатов.

8 марта был образован Совет в Ходженте, затем возникли Советы солдатских депутатов в Каттакургане, Джизаке, Ура-Тюбе и Совет рабочих депутатов на Сулюктинских копях[2].

В Советах Самарканда и других городов области на первых порах у руководства оказались соглашатели — эсеры и меньшевики. Как отмечал В. И. Ленин, после победы Февральской революции «в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистов, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат элементов»[3]. Местные большевики вели упорную борьбу с эсеро-меньшевистским влиянием в Советах.

7 марта 1917 г. в Самарканде возродилась объединенная социал-демократическая группа. К лету она насчитывала уже 56 членов. Вначале местные социал-демократы работали совместно с эсерами, издавали с ними ежедневную газету «Свободное слово»[4]. Однако уже с первых дней создания Самаркандской организации РСДРП в ней образовалось большевистское крыло (А. И. Фролов, И. П. Фоменко, А. И. Тишаев, А. Н. Пономарев и др.), которое стало решительно выступать против соглашательской политики меньшевиков. Большую политическую и организаторскую работу проводили большевики среди солдат, рабочих и старогородской бедноты, разъясняя массам антинародную сущность политики Временного правительства, меньшевиков, призывая трудящихся к организованной борьбе за свои права.

---

[1] Д. М. Рудницкая. Из истории строительства Советов в Туркестане (1917—1920 гг.), Ташкент, 1964, стр. 103.

[2] Р. А. Нуруллин. Советы Туркестана в борьбе за победу Октября, Общественные науки в Узбекистане, 1967, № 10, стр. 25.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 114—115.

[4] Очерки истории Коммунистической партии Туркестана, ч. II, Ташкент, 1959, стр. 19.

Особую заботу проявляли самаркандские большевики о политическом просвещении и организации узбекской и таджикской бедноты города. В результате вокруг русских большевиков постепенно сплотилось ядро революционно настроенных представителей трудящихся коренных национальностей — Ходжа Сафо Джурабаев, Шамсидин Ибрагимов, И. Мирджамалов, М. Юлдашев, Ф. Махмудов и др.

По инициативе большевистских депутатов и под давлением рабочих и революционных солдат Самаркандский Совет выступает зачинателем борьбы за смещение царской администрации в городе и области, принимает действенные меры к поддержанию революционного порядка, снабжению населения продовольствием, улучшению условий труда и быта рабочих, просвещению трудящихся. Благодаря большевикам авторитет Совета среди широких масс населения города рос с каждым днем.

Активную работу развернули большевики по сплочению рядов рабочих Самарканда в профессиональных союзах. Одним из первых 1 марта 1917 г. в городе возник союз торгово-промышленных служащих, вслед за ним — профсоюз конторских служащих и весовщиков ст. Самарканд[5]. Весной 1917 г. образовались профсоюзы железнодорожников, служащих правительственных учреждений и т. д.[6] Во главе профсоюзов города на первых порах стоял организованный 20 марта 1917 г. «Трудовой союз», игравший роль межсоюзного объединения. Усилиями большевиков профсоюзы Самарканда превращались в школу воспитания масс. Они выступали застрельщиками не только в экономической, но и политической борьбе пролетариата с буржуазией.

В Самарканде появляются и широкие организации, объединявшие не только рабочих, но и мелкобуржуазные элементы «старого города» — ремесленников, мелких торговцев, часть национальной интеллигенции. Это была одна из особенностей развития революционного процесса среди национальных трудящихся Туркестанского края.

Среди общедемократических организаций коренного населения следует отметить так называемый «Мусульманский клуб» (Мусклуб), организованный 6—7 марта 1917 г. в «старом городе», в местности Кош-Хауз. Во главе его оказались джадиды, что сильно тормозило работу «Мусклуба». Но несмотря на противодействие джадидской верхушки, «Мусклуб» под давлением трудового большинства проделал определенную работу по смещению царских ставленников в «старом городе», организации и политическому просвещению бедноты. Разношерстный состав «Мусклуба», а особенно шатания и колебания джадидов, в конечном счете привели к его распаду. Просуществовав полтора месяца, эта организация самоликвидировалась[7].

Большевики Самарканда вели упорную борьбу с реакционными буржуазно-националистическими, пантюркистскими и панисламистскими организациями типа «Шуро-и Исламии», «Иттихад» и др., пытавшимися свернуть местных трудящихся с революционного пути на путь борьбы за «общенациональные» интересы.

Верной опорой большевиков в борьбе с контрреволюцией, за организацию, политическое просвещение и революционизирование трудящихся коренных национальностей явились возвратившиеся «тыло-

[5] Туркестанский голос, 24 марта 1917 г.

[6] Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, т. I, Ташкент, 1962, стр. 32, 47, 73.

[7] А. Гуманенко. Октябрь в старом городе Самарканде (Исторический очерк), Ташкент, 1933, стр. 8—9.

вики» — местные трудящиеся, отправленные в 1916 г. по царской мобилизации на тыловые оборонные работы в разные районы России. Находясь на тыловых работах, они соприкасались с рабочими других национальностей, расширяли свой политический кругозор; в совместной борьбе с рабочими Центральной России крепло их классовое самосознание, накапливался опыт революционной борьбы.

После победы Февральской революции «тыловики» возвратились в родные места. Самаркандцы-«тыловики» Ишанкул Мирджамалов, Мирбобо Юлдашев, Сафо Джурабаев и другие сразу же включились в общественно-политическую жизнь города. Особенно активное участие приняли они в работе «Иттифака» («Союза трудящихся мусульман»), созданного весной 1917 г. Под влиянием революционно настроенных «тыловиков» в деятельности «Иттифака» произошли значительные сдвиги.

Активисты «Иттифака» (И. Мирджамалов, И. Саидкамалов, Ш. Ибрагимов, М. Ниязов и др.) были тесно связаны с Самаркандским Советом, входили в состав Совета или в отдельные его комиссии и комитеты. «Иттифак» получал постоянную помощь от Совета, особенно со стороны большевистских депутатов (А. Фролова, А. Пономарева, В. Гущи, А. Акчурина и др.). С помощью большевиков «Иттифак» все шире развертывал свою деятельность не только в городе, но и в уездах.

Серьезную школу классовой борьбы прошли «иттифаковцы» Самарканда во время выборов в городскую думу. Вначале «Иттифак» намеревался выставить на выборах кандидатов вместе с «Шуро- и Исламией», но эта ошибка была исправлена при помощи большевиков в ходе предвыборной кампании.

25 августа 1917 г. «Иттифак» опубликовал в газете «Хуррият» обращение к местной бедноте, в котором разоблачал антинародную сущность «Шуро- и Исламии» и ее блока с русской буржуазией и призывал рабочих коренных национальностей голосовать за кандидатов «Иттифака»[8].

В период предвыборной кампании и во время выборов между «Иттифаком» и «Шуро- и Исламией» развернулась острая борьба. «Шурои-исламисты» шли на все, вплоть до избиения агитаторов «Иттифака» и их сторонников. В результате «шурои-исламистам» и русской буржуазии удалось захватить большинство мест в городской думе. Тем не менее предвыборная кампания сыграла большую роль в усилении классового размежевания населения города, росте политической сознательности местных трудящихся, среди которых неуклонно росло большевистское влияние.

К осени 1917 г. в Самарканде произошел значительный сдвиг в сторону усиления позиций большевиков и Совета, о чем наглядно свидетельствовало отношение масс к известным сентябрьским событиям в Ташкенте. Большевики организовали поддержку Ташкентского ревкома со стороны солдат и трудящихся города, которые выступили против контрреволюционных действий Временного правительства.

Под влиянием разгрома корниловщины и сентябрьских событий в Ташкенте резко усилилась большевизация Советов Самаркандской области. Это ярко продемонстрировала областная конференция Советов (3-й областной съезд Советов), проходившая в Самарканде в середине октября 1917 г.

---

[8] Хуррият, 25 августа 1917 г.

Конференция работала в обстановке революционного подъема в городе и области. Шло брожение в частях гарнизона, бастовали рабочие типографий[9], в кишлаках участились столкновения на почве голода. Руководствуясь историческими решениями VI съезда партии, взявшего курс на вооруженное восстание, большевики Самарканда усиленно готовили армию революции.

На конференции были проведены выборы делегатов на II Всероссийский съезд Советов в Петрограде и выборы членов в Краевой Совет. Конференция ознаменовалась победой большевиков. На II Всероссийский съезд Советов были избраны большевики А. И. Фролов и Д. Т. Деканов. Ярким свидетельством большевизации Советов явился принятый конференцией наказ делегатам на II Всероссийский съезд Советов, в котором содержались требования немедленной передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства в лице Советов, передачи всей земли земельным комитетам, немедленного вооружения рабочих и крестьян под контролем Советов и т. д.[10]

25 октября (7ноября) 1917 г. в Петрограде победило вооруженное восстание. Временное правительство было свергнуто, вся полнота власти в стране перешла в руки Советов. Собравшийся в тот же вечер II Всероссийский съезд Советов образовал первое в мире рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, принял исторические декреты о мире и земле.

Делегаты Советов Самаркандской области на съезде А. И. Фролов и Д. Т. Деканов 27 октября 1917 г. телеграфировали из Петрограда в Самарканд «Вместо министерств образована коллегия рабочих и крестьянских комиссаров во главе с Лениным... Власть передана Советам, земля крестьянским земельным комиссарам, послано обращение ко всем народам о мире без аннексий, контрибуций. Передать Советам»[11].

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде дала мощный толчок развитию революционных событий в Туркестане. 1 ноября 1917 г. в результате четырехдневных ожесточенных уличных боев победила Советская власть в Ташкенте. III Краевой съезд Советов (15—22 ноября 1917 г.) образовал Советское правительство Туркестана — Совнарком и провозгласил победу Советской власти в крае.

Вдохновленные победой Советской власти в Петрограде и Ташкенте самаркандские большевики усилили подготовку к взятию власти в городе и области.

Еще 31 октября 1917 г. в Привокзальном районе города был образован Ревком, в руки которого перешла фактическая власть на вокзале. 28 ноября по инициативе и под руководством большевиков было созвано экстренное расширенное собрание членов Самаркандского Совета совместно с представителями полковых, дружинных, ротных комитетов и других организаций. Собрание вынесло решение о признании высшим органом власти в крае Совнаркома Туркестана и переходе всей полноты власти в городе в руки Совета по его «реорганизации в 3-х дневный срок»[12].

В ночь с 1 на 2 декабря 1917 г. отряды рабочей Красной гвардии при помощи революционных солдат гарнизона и старогородской бедноты заняли важнейшие учреждения города. Власть перешла в руки

[9] Свободный Самарканд, 11 октября 1917 г.

[10] Самаркандский облгосархив, ф. 44, оп. 1, д. 95, л. 11.

[11] Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы, ч. II, М., 1963, стр. 249.

[12] Свободный Самарканд, 30 ноября 1917 г.

Советов. 4 декабря был образован Военно-революционный комитет из 7 человек[13], а 5 декабря он взял всю полноту власти в городе в свои руки.

В эти дни произошло и другое важное событие — окончательный организационный разрыв самаркандских большевиков с меньшевиками. 2 декабря большевики города объявили о своем выходе из объединенной социал-демократической организации. 4 декабря состоялось первое организационное собрание местных большевиков, на котором была оформлена самостоятельная Самаркандская большевистская партийная организация. В состав ее вошли А. Фролов, А. Пономарев, В. Гуща, С. Чечевичкин и др.

13 декабря 1917 г. открылся съезд Советов Самаркандской области, который объявил о передаче власти в области областному Совету. Так в Самарканде и области мирным путем была установлена Советская власть.

17 февраля 1918 г. Самаркандский Совет упразднил городскую думу и земскую управу. Были отстранены от занимаемых должностей городской голова, все члены городского самоуправления, областной и уездные комиссары Временного правительства, распущены комитеты общественной безопасности. 18 февраля внеочередное заседание Совета постановило, что «законодательные функции по городскому управлению исполняет Совет рабочих, солдатских и мусульманских депутатов»[14]. Для руководства всеми сторонами жизни города при Совете были образованы соответствующие отделы.

В начале 1918 г. решением Военно-революционного комитета, поддержанным трудящимися коренных национальностей и их массовой организацией «Иттифаком», была распущена самаркандская организация «Шуро- и Исламии», за контрреволюционную направленность закрыта газета «Свободный Самарканд» и налажен выпуск новых, советских газет. С 5 января 1918 г. Самаркандским Советом стала издаваться газета «Голос Самарканда», с апреля органом Совета на узбекском языке стала газета «Хуррият», на базе которой в июне 1918 г. была создана газета «Мехнаткашлар уки» («Стрела трудящихся») — орган Самаркандского областного Совета.

Для борьбы с подрывной деятельностью свергнутых революцией эксплуататорских классов 8 марта 1918 г. в Самарканде был образован ревтрибунал. На основании постановления Совнаркома Туркестана от 28 ноября 1917 г. из рабочих и старогородской бедноты Самарканда в конце 1917 — начале 1918 г. было сформировано несколько красногвардейских отрядов. К маю 1918 г. в Красной гвардии города насчитывалось 1137 человек[15].

Начали создаваться и части регулярной Красной Армии. 16 января 1918 г. в газете «Голос Самарканда» было опубликовано воззвание к трудящимся с призывом записываться в ряды социалистической армии. Самаркандские большевики и Совет провели большую организационно-разъяснительную работу среди рабочих, старогородской бедноты, бывших военнопленных по вовлечению наиболее сознательной части их в ряды Красной Армии. За короткий срок были сформированы артиллерийская рота, подразделение конной разведки, стрелковый батальон и пулеметная команда.

---

[13] Наша газета,14 декабря 1917 г.
[14] Голос Самарканда, 23(10) февраля 1918 г.
[15] ЦГАСА, ф. 25859, оп. 7, д. 1, л. 34.

К середине 1918 г. в частях Красной Армии в Самарканде насчитывалось 658 человек[16]. Вооруженные силы города возглавляли председатель Военно-революционного комитета А. Фролов и его помощник по военной работе В. Гуща.

В строительстве советских вооруженных сил в Самарканде активное участие приняли трудящиеся коренных национальностей. Уже к середине 1918 г. из местных добровольцев был образован Самаркандский национальный отряд Красной Армии[17].

Когда в ноябре 1917 г. силы реакции провозгласили в Коканде образование буржуазно-националистической «автономии», трудящиеся Самарканда выступили с гневным осуждением «автономистов» и направили вооруженный отряд в поддержку Кокандского Совета.

Трудящиеся Самарканда внесли свой вклад и в борьбу с антисоветскими выступлениями атамана Дутова.

Особенно активное участие приняли рабочие и старогородская беднота Самарканда в борьбе с белоказаками полковника Зайцева, выступившими в январе 1918 г. против Советской власти. Они захватили Чарджуй, Каган, Каттакурган и приближались к Самарканду.

Ташкентский Совет по телеграфу дал указание Советам городов, расположенных на пути следования казачьих эшелонов, разоружить белоказаков.

Самаркандская большевистская организация и Ревком приняли ряд срочных мер для выполнения этой директивы. Рабочие депо и солдаты гарнизона организовали особый Самаркандский рабочий отряд. Но бороться с численно превосходящими, хорошо вооруженными и обученными отрядами противника ему было не под силу. Самаркандская партийная организация и Совет решили временно отступить до прибытия подкреплений из Ташкента и других городов. Советские отряды отошли к ст. Джизак и заняли оборону в Тамерланском ущелье. 27 января 1918 г. белоказачьи эшелоны прибыли на ст. Самарканд.

К Джизаку стали отовсюду стягиваться красногвардейские отряды. К середине февраля 1918 г. против белоказаков удалось сосредоточить отряды общей численностью до 3 тыс. человек. 14 февраля 1918 г. у ст. Ростовцево (ныне Красногвардейская) произошел бой, в котором белоказаки были разбиты и отступили к Самарканду. Но здесь их встретили организованные и руководимые большевиками солдаты гарнизона, отряды железнодорожных рабочих и трудящихся города. Скопившиеся на ст. Самарканд 14 белоказачьих эшелонов были разоружены, и 18 февраля советские отряды, тепло встреченные трудящимися города, вступили в Самарканд[18].

«Рабочие Самарканда,— писала в те тревожные дни «Наша газета», — действительно приняли самые решительные меры к прекращению этого мятежа. Все встав как один на помощь советским войскам, они помогли ликвидировать эту новую затею контрреволюции»[19].

Подавив первые антисоветские очаги, трудящиеся Самарканда и всего Туркестана энергично взялись за строительство основ социалистической экономики. Первым шагом на этом пути было установление рабочего контроля над производством.

В феврале 1918 г. рабочий контроль был введен на кожевенном заводе акционерного общества «Ташсам», в марте — на хлопкоочисти-

---

[16] Самаркандский облгосархив, ф. 1012, оп. 1, д. 14, л. 42—43.
[17] Там же, оп. 5, д. 2, л. 276.
[18] Голос Самарканда, 19(6) февраля 1918 г.
[19] Наша газета, 20 февраля 1918 г.

тельном заводе Я. И. Калантарова, в Самаркандском обществе потребителей и в областной продовольственной управе, в апреле — на предприятиях товарищества «Караван», в обществе потребителей «Шахизинда», в мае — на кожевенном заводе, в Самаркандском отделении «Товарищества на паях князь Джорджидзе и Агриевы», в июне — на винодельческом заводе С. М. Гладышева и т. д.[20]

В установлении рабочего контроля активно участвовали и трудящиеся коренных национальностей. Так, в комиссию по осуществлению рабочего контроля на кожзаводе общества «Ташсам» были избраны А. Абдурахимов и Ш. Хамитов, на пивзаводе Отто Вогау — Турсункулов, Гафурбаев и другие, на кишечноочистительном заводе — Р. Умарбеков, И. Пирмухамедов и т. д.[21]

Органы рабочего контроля стали хорошей школой управления трудящихся производством, действенным средством борьбы с буржуазией. Рабочий контроль парализовал контрреволюционный саботаж предпринимателей и явился важным этапом на пути к национализации промышленности.

Весной 1918 г. на основе декретов Совнаркома Туркестана в собственность государства перешли все расположенные в Самарканде хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные заводы, типографии, а также отдельные предприятия других отраслей промышленности: кожевенный завод А. Абдукаримова[22], чугунолитейный завод Л. Б. Горенберга[23]. Была осуществлена также национализация банков и железной дороги.

Предпринимались первые шаги к созданию новой, социалистической культуры. В марте 1918 г. была образована секция просвещения при Самаркандском Совете[24]. Затем были созданы областной и уездные Советы народного образования[25].

Началось строительство новой, советской школы, особенно национальных школ. Для подготовки советских учительских кадров в мае 1918 г. в Самарканде были открыты педагогические курсы[26], а 15 июня — педагогические курсы по подготовке учителей для национальных школ[27]. В середине мая 1918 г. в Самарканде открылась мужская школа низшей ступени национальной секции учрежденного 21 апреля 1918 г. в Ташкенте Туркестанского народного университета[28]. Большевики Самарканда развернули значительную работу по организации и политическому просвещению масс, в первую очередь коренных национальностей. Верной опорой их выступал «Иттифак», секции которого были созданы во всех районах города.

Иттифаковцы были активными проводниками большевистских идей как в «старом городе», так и в уезде. В конце мая 1918 г. «Иттифак» был реорганизован в Совет мусульманских рабочих и дехканских депутатов Самаркандского уезда. Председателем Исполкома Совета был избран Х. Мазитов, заместителями К. Шамансуров и М. Ниязов, секретарем А. Бекташев.

---

[20] Самаркандский облгосархив, ф. 74, оп. 1, д. 8, л. 219; л. 102, л. 16, 17; ф. 632, оп. 6, д. 1, л. 5, 8, 97, 162; Голос Самарканда, 30 апреля, 20 и 26 июня 1918 г.

[21] Р. А. Нуруллин. Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, Ташкент, 1965, стр. 161.

[22] Голос Самарканда, 11 апреля 1918 г.

[23] Самаркандский облгосархив, ф. 632, оп. 5, д. 2, л. 3.

[24] Голос Самарканда, 22 марта 1918 г.

[25] Голос крестьянина, 17 апреля 1918 г.

[26] Самаркандский облгосархив, ф. 104, оп. 1, д. 4, л. 33.

[27] ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 190, л. 22.

[28] Там же, ф. Р-34, оп. 1, д. 110, л. 334.

Биби-Ханым.

Укреплению Советской власти в городе и привлечению широких масс к государственному управлению способствовали перевыборы Самаркандского Совета, проведенные в конце мая 1918 г. под руководством Чрезвычайной комиссии ТуркЦИКа, в состав которой входил и представитель Наркомнаца РСФСР А. Клевлеев. В Совет было избрано 100 большевиков и 66 «левых» эсеров. В состав Исполкома Совета вошло и 10 представителей Совета мусульманских рабочих и дехканских депутатов Самаркандского уезда[29].

Усиливалась деятельность Самаркандской большевистской организации и «Иттифака» в волостях и уездах области. В апреле 1918 г. туда было направлено из Самарканда около 50 человек, главным образом коммунистов и представителей «Иттифака». В информации о работе Совета мусульманских рабочих и дехканских депутатов Самаркандского уезда от 21 августа 1918 г. сообщалось, что Совет «организовал во всех волостях Самаркандского уезда волостные Советы»[30].

Укрепление Советской власти в Самарканде и области сыграло большую роль в утверждении нового государственного и общественного строя во всем Туркестанском крае, народы которого под руководством Коммунистической партии решительно встали на указанный великим Лениным путь некапиталистического развития к социализму.

Х. Ш. Иноятов

САМАРҚАНДДА СОВЕТ ҲОКИМИЯТИНИНГ ЎРНАТИЛИШИ ВА МУСТАҲКАМЛАНИШИ

Мақолада Самарқандда Советлар ҳокимиятининг ўрнатилиши ҳақида гапирилади ва бу тарихий воқеанинг бутун Ўзбекистонда Совет ҳокимияти қарор топишидаги аҳамияти кўрсатилади.

[29] Голос Самарканда, 30 мая, 4, 5 и 6 июня 1918 г.
[30] Самаркандский облгосархив, ф. 89, оп. 1, д. 4, л. 50.

Г. Р. РАШИДОВ

САМАРКАНД — ПЕРВАЯ СТОЛИЦА УЗБЕКСКОЙ ССР

Одним из важнейших этапов в многовековой истории Самарканда был период второй половины 20-х годов, когда после национально-государственного размежевания народов Средней Азии (1924 г.) он стал первой столицей Узбекской ССР (до 1930 г.).

Выбор Самарканда не был случайным. Прежде всего, учитывалось его географическое положение в центральной части УзССР. Территория ее складывалась из частей трех республик — Туркестанской АССР, БНСР и ХНСР. Последние в экономическом, политическом и культурном отношениях еще значительно отставали от ТАССР, и потому столицу республики следовало приблизить к этим менее развитым районам. При выборе столицы принималось во внимание и то, что Самарканд был одним из первых центров революционного и коммунистического движения, крупнейшим после Ташкента городом УзССР с развитой для того времени экономикой и культурой.

Сразу же после национально-государственного размежевания Средней Азии ЦК РКП(б) в целях оказания непосредственной помощи партийным и советским органам Узбекистана в развертывании социалистического строительства направил сюда одного из выдающихся деятелей партии и Советского государства, Председателя ЦИК СССР, члена Политбюро ЦК РКП(б) М. И. Калинина. 2 февраля 1925 г. он прибыл в Ташкент, а 11 февраля «всесоюзного старосту» радостно принимал трудовой Самарканд.

В тот же день М. И. Калинин выступил на общегородском митинге на площади Регистан. В своей речи он, в частности, отметил: «Не впервые на этом месте собираются огромные народные массы, не впервые Самарканд делается столицей. В его стенах в прошлом было много интересных событий, где принимали участие сотни тысяч людей... в сегодняшний день впервые здесь собрался свободный народ в свободной Узбекской республике. Это также первое собрание в новой столице свободного народа»[1].

Роль Самарканда как столицы была подчеркнута на объединенном заседании Самаркандского Совета совместно с представителями партийных, советских, комсомольских и военных организаций, состоявшемся в начале апреля 1925 г. с участием руководящих деятелей Узбекской ССР. В своем выступлении Председатель ЦИК УзССР Ю. Ахунбабаев приветствовал трудящихся Самарканда, призвал их к деятельному участию в социалистическом строительстве, ликвидации унаследованной от прошлого экономической и культурной отсталости Узбекистана. При этом Ю. Ахунбабаев подчеркнул, что Самарканд «как красная

[1] М. И. Калинин в Узбекистане. Сборник документов, Ташкент, 1961, стр. 130.

столица должен служить примером для народов Востока и твердо идти по пути ленинизма».

Став столицей Узбекской ССР, Самарканд превратился в важнейший ее политико-административный центр, где сосредоточились руководящие партийные, советские, хозяйственные и общественные организации республики, осуществлявшие отсюда руководство всей общественно-политической жизнью УзССР, развитием и социалистическим преобразованием ее экономики и культуры.

В Самарканде находились ЦК КП(б)Уз, Совнарком и ЦИК Советов УзССР, здесь проводились съезды Компартии (II—V) и Советов (II—IV) Узбекистана. На этих съездах обсуждались важнейшие вопросы хозяйственного, государственного и культурного строительства в республике.

Большое внимание уделялось при этом благоустройству, развитию городского хозяйства, экономики и культуры самого Самарканда, быстрыми темпами превращавшегося в новый, социалистический город, один из важнейших маяков социализма на Востоке страны. Огромную помощь в этом оказывали первой столице Узбекистана русский рабочий класс, все братские народы СССР.

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского государства, их мудрой ленинской национальной политике, неуклонному осуществлению генеральной линии партии на социалистическую индустриализацию страны и особенно ее восточных районов в Самарканде второй половины 20-х годов развертывалось интенсивное промышленное строительство, создавались новые, реконструировались и расширялись старые заводы и фабрики.

Только в 1926—1927 гг. в городе были построены и введены в эксплуатацию такие предприятия, как дизельная электростанция, шелкомотальная фабрика, швейные и текстильные мастерские, заводы — «Дехканин», макаронный, кожевенные, лесоматериалов, кирпичные и др.

В годы первой пятилетки индустриальное строительство пошло еще более быстрыми темпами. В городе появились новые промышленные объекты — швейная и чаеразвесочная фабрики, мясокомбинат, хлебозавод №2, консервный, масломолочный, гренажный заводы. В 1928—1929 гг. в Самарканде был построен первый в СССР мощный завод по производству сгущенного виноградного сока, а в 1931 г. вместо шелкомотальной фабрики на базе реконструированных шелкоткацких мастерских промысловой кооперации созданы шелкоткацкая и красильно-отделочная фабрики.

Рабочие Самарканда с огромным энтузиазмом включились в борьбу за выполнение пятилетки в четыре года, ширили движение ударников, изобретателей и рационализаторов производства.

Выпуск валовой продукции промышленности Самарканда вырос за 1928—1929 гг. на 59% против 24% по Союзу в целом[2]. Производительность труда в промышленности города в годы первой пятилетки выросла вдвое по сравнению с 1927/28 г. Уже к концу 20-х годов социалистический сектор в народном хозяйстве Самарканда составил 99,5%.

С развитием промышленности росла и численность рабочих города. В 1913 г. в промышленности Самаркандской области было занято 2265 рабочих, а в конце первой пятилетки только в Самарканде — 12 034 человека[3].

---

[2] Узбекистанская правда, 3 февраля 1931 г.

[3] Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 30, оп. 2, д. 18, л. 66.

Партийные и советские органы обращали особое внимание на вовлечение в промышленность лиц местных национальностей. Уже к концу 1929 г. удельный вес их, например, на шелкомотальной фабрике достиг 34%, на кожзаводах — 45% и т. д.[4] Контингент рабочих в основном рос за счет ремесленного населения, дехкан из окрестных кишлаков. Для них открывались ремесленно-технические учебные заведения, готовившие кадры различного профиля.

В промышленности Самарканда происходили глубокие качественные изменения, выразившиеся прежде всего в возникновении новых отраслей, концентрации производства, росте его технической оснащенности и т. д.

Замечательные успехи были достигнуты и в области культурного строительства. Уже к концу 20-х годов из сферы народного образования были полностью вытеснены старые школы — мактабы, на смену которым пришла новая, советская школа. В 1927/28 учебном году в Самаркандском округе насчитывалось 239 школ, многие из которых размещались в новых зданиях.

Немалые успехи были достигнуты в ликвидации неграмотности взрослого населения. Только в 1939 г. в городе было открыто 65 школ ликбеза.

В победе культурной революции огромную роль сыграло создание и развитие высшей школы, кузницы высококвалифицированных кадров советской народной интеллигенции.

Первенцем советской высшей школы здесь стал Самаркандский высший педагогический институт, организованный 22 января 1927 г. Вскоре он был реорганизован в Узбекскую государственную педагогическую академию, на базе которой затем открылся Узбекский государственный университет, получивший впоследствии имя великого Алишера Навои.

При открытии нового здания института Ю. Ахунбабаев сказал: «Если в «доброе старое время» узбек не мог мечтать даже о среднем светском образовании, то теперь все пути к науке ему открыты. Год за годом этот институт будет выпускать узбеков, получивших высшее педагогическое образование, они рассеются по всем кишлакам Узбекистана и будут сеять культуру среди населения нашей страны. Постройка этого института — громадный шаг к социализму»[5].

В 1929 г. был открыт второй вуз города — сельскохозяйственный институт, сыгравший немалую роль в подготовке специалистов сельского хозяйства.

В 1930 г. начал функционировать Самаркандский медицинский институт им. И. Павлова. В те же годы было создано и четвертое высшее учебное заведение Самарканда — Институт государственной торговли и кооперации.

Выпускники вузов Самарканда работали и работают во всех областях УзССР и за ее пределами. Университет и другие вузы Самарканда стали также центрами научной мысли.

Самарканд был тогда и одним из крупных литературных центров республики. Здесь жили и творили талантливые мастера устного творчества—Фазыл Юлдаш-оглы, Эргаш Джуманбульбуль-оглы, Пулкан, Ислам-Шоир, которые воспевали новую счастливую жизнь и вместе с тем были блестящими знатоками и исполнителями традиционных достанов.

[4] Партархив Самаркандского ОК КГУз, ф. 215, оп. 1, д. 182, л. 21.
[5] Правда Востока, 8 октября 1928 г.

В литературной жизни не только Самарканда, но и всего Узбекистана особую роль сыграло творчество С. Айни, положившее начало развитию ўзбекской и таджикской прозы. В Самарканде сформировались как талантливые писатели и поэты Хамид Алимджан, Уйгун, Айдин, Хасан Пулат, Амир Умари, Исмаил Акбар и др.

Начался и расцвет театрального искусства. Еще в годы гражданской войны в Самарканде была создана театральная труппа. Позднее были организованы еще две труппы, а в 1930 г. появился Самаркандский узбекский драматический театр, организаторами которого были Хашим Назыркулов, Садулла Джурабаев, Али Артобус и др.

Бурно росли культурно-просветительные учреждения города — *клубы, библиотеки и т. д. Огромную роль в культурно-политическом* воспитании масс играла растущая партийно-советская печать. С 1925 г. в Самарканде начала издаваться газета «Кзыл юлдуз» («Красная звезда») — орган Узбекской горной кавалерийской дивизии, годом раньше стала выходить «Овози таджики камбагал» («Голос таджикского бедняка»), в 1927 г. — «Батрак», орган Центрального правления Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих Узбекистана, в 1930 г. — газета «Ленинский путь» на русском и узбекском («Ленин йўли») языках — орган Самаркандских обкома и горкома КП(б)Уз и Облисполкома.

С каждым годом развивалось городское хозяйство Самарканда, ширились работы по благоустройству города, рос жилой фонд, улучшалось бытовое обслуживание.

Вопросы благоустройства Самарканда неоднократно обсуждались на партийных пленумах и конференциях, собраниях партийных активов, где ставилась задача подтягивания городского хозяйства Самарканда до уровня передовых городов Союза. При осуществлении социалистической реконструкции города учитывались его столичное положение и необходимость стирания граней между «новой» и «старой» частями Самарканда с целью создания единого городского ансамбля.

Правительство республики выделяло большие средства на жилищное строительство и развитие городского хозяйства. Уже в 1928/29 г. на жилищное строительство было израсходовано 781 140 руб. и сдано в эксплуатацию 73 дома на 191 квартиру. Только жилищно-строительными кооперативами в 1929/30 г. был построен 71 дом на 185 квартир.

В годы первой пятилетки был сооружен ряд крупных общественных, кооперативных, культурно-административных, коммунальных зданий. Благоустраивались, расширялись и озеленялись улицы и площади Самарканда, усиливалось дорожно-мостовое строительство, улучшались транспорт, освещение и водоснабжение города. Любимыми местами отдыха самаркандцев стали 6 парков, а также скверы, бульвары и др.

К 1930 г. из 170 *км* общей протяженности дорог было замощено и шоссировано 47 *км*. В начале 30-х годов была сдана в эксплуатацию первая очередь водопровода. Осуществлен переход от столбового освещения улиц к подвесному, что облегчило движение городского транспорта, причем осветительная сеть значительно расширилась.

Успехи социалистического строительства, огромная забота партии и правительства обеспечили неуклонный рост материального благосостояния и культуры трудящихся. Заработная плата городских рабочих в начале 30-х годов выросла в среднем на 30%. Была ликвидирована безработица. О развитии советской торговли свидетельствует тот факт, что число крупных универмагов в городе увеличилось до 50.

Были достигнуты определенные успехи и в области здравоохранения. Сеть лечебных заведений составляла 95 учреждений с 1480 койка-

ми, в том числе 3 больницы, 10 амбулаторий, 5 детских консультаций и др. В них работали 273 врача. Особой популярностью пользовалась республиканская больница им. Ф. Ходжаева.

Непрерывно росла численность населения города, главным образом за счет выходцев из кишлаков и аулов республики, а также из центральных районов страны. В 1930 г. в городе насчитывалось 119 736 человек. Население Самарканда становилось все более многонациональным. Узбеки составляли 26,4%, русские — 25,5%, таджики — 20,3% жителей города. Кроме того, здесь жили и трудились дружной семьей местные евреи и армяне, иранцы и туркмены и др. Все они гордо называли себя самаркандцами.

Столица и один из крупных городов Узбекистана — Самарканд с честью выполнял ведущую роль по отношению к кишлакам и аулам области, твердо ставшим в результате коллективизации сельского хозяйства на путь социалистического строительства. Из Самарканда во все возрастающем количестве шла на село современная техника, направлялись кадры специалистов, организаторов колхозного движения, прежде всего коммунистов и комсомольцев. Посланцы партии и рабочего класса несли в кишлак всепобеждающие идеи ленинизма, новую организацию труда, новую культуру и быт. Самаркандский пролетариат, наряду с ташкентским, выступил зачинателем массового шефского движения в Узбекистане. Рабочий класс города сыграл большую роль в упрочении Советской власти на селе, восстановлении ирригации и сельского хозяйства в годы нэпа, проведении земельно-водной реформы, создании индустриальной базы для подъема хлопководства и других отраслей, в коллективизации дехканских хозяйств, ликвидации кулачества-байства как класса, организационно-хозяйственном укреплении колхозов, совхозов, МТС, развертывании культурной революции в кишлаке, раскрепощении местных женщин.

В Самарканде при райкомах партии создавались шефские комиссии, непосредственно возглавлявшие помощь рабочего класса кишлаку. Первая из них была образована в конце 1925 г. при Дзержинском райкоме КП(б)Уз. В ней приняли участие рабочие маслокомбината, кожзавода, винзавода № 2, горместхоза и других предприятий и организаций. В том же году для проведения земельно-водной реформы в районы области было направлено из Самарканда до 30 коммунистов.

Когда в конце 1925—начало 1926 г. в Узбекистане проводилась первая широкая кампания по перевыборам Советов, самаркандские коммунисты и рабочие провели большую политико-массовую работу среди сельских избирателей, разоблачали классово враждебные элементы, разъясняли политику партии и правительства, направленную на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства.

В 1928 г. рабочие одного лишь Дзержинского района Самарканда совершили 98 выездов в 18 подшефных кишлаков, где провели более 200 бесед и докладов, организовали 8 школ ликбеза, 5 красных чайхан, 2 женских уголка, женскую артель по рукоделию[6].

В 1932 г., когда 80% крестьянских хозяйств области было уже объединено в колхозы, предприятия Самарканда шефствовали над 80 сельхозартелями. В последующие годы шефская работа резко усиливается, становится еще более массовой, организованной и систематической, принимает новые действенные формы, что способствовало дальнейшему упрочению и развитию колхозного строя.

[6] Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 137, оп. 1, д. 220, л. 83—84.

Самарканд был столицей УзССР до 1930 г., а затем уступил место крупнейшему городу республики и всей Средней Азии — Ташкенту. Но и после этого, будучи областным центром, он продолжает играть огромную роль в хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни Узбекистана, и эта роль еще более возрастает на современном этапе, когда труженики Самарканда вместе со всем нашим народом отдают все свои силы великому делу строительства коммунизма.

Ғ. Р. Рашидов

САМАРҚАНД — ЎзССРнинг ДАСТЛАБКИ ПОЙТАХТИ

Мақола Самарқанднинг кўп асрлик тарихининг муҳим этапларидан бири, 1924—1930 йилларда у ЎзССРнинг дастлабки пойтахти бўлган вақтида республиканинг социалистик шаклланишида улкан ҳисса қўшганлигига бағишланади.

Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВ

САМАРКАНД — ЦЕНТР НАУЧНОЙ МЫСЛИ МАВЕРАННАХРА XIV—XV ВЕКОВ*

В историческом развитии культура среднеазиатских народов прошла тернистый путь. Она развивалась в сложных условиях кровавых событий: опустошительных нашествий завоевателей, сопровождавшихся гибелью многих культурных ценностей, почти непрерывных междоусобных войн, кровопролитной борьбы, которую вели трудящиеся массы против иноземных и местных эксплуататоров. Порой великие творения народа — ценности материальной культуры, созданные на протяжении веков, — превращались в груду развалин и пепелищ, и лишь отдельные сохранившиеся семена вновь давали ростки культуры. Лучшие сыны народа любовно выращивали их, продолжая прогрессивные традиции своих предшественников.

В XIV—XV вв. крупнейшим очагом среднеазиатской культуры и науки был Самарканд, ставший в последней четверти XIV в. столицей огромной империи Тимура, а после его смерти (февраль 1405 г.) его сын Шахрух создал самостоятельное Мавераннахрское государство во главе с внуком Тимура Улугбеком.

Улугбек в отличие от подавляющего большинства правителей прославился не как государственный деятель, а как истинный ученый. Более того, увлечение Улугбека наукой в известной мере отрицательно отражалось на его государственной деятельности.

Строительные работы при Улугбеке продолжают развиваться; с одной стороны, строятся новые, с другой, — завершаются начатые до него постройки. Улугбек не успел еще окончательно усмирить своих врагов, как уже в 1417 г. по его распоряжению строятся медресе в Бухаре, Самарканде (1420 г.) и Гиждуване (1432—1433), благотворительные учреждения в Мерве. Недалеко от медресе Улугбека им была выстроена прославленная баня. В Самарканде строится знаменитая обсерватория, о которой подробнее скажем дальше. Заканчивается постройка мечети Биби-Ханым, мавзолея Гур-Эмир, завершается ансамбль Шахи-Зинда и т. д.

Улугбек и в личной жизни, и в политической деятельности был диаметрально противоположен своему отцу Шахруху — строгому блюстителю догм ислама. В то время как Шахрух в Герате окружил себя духовенством, регулярно по пятницам посещал мечеть, соблюдал пост, строго преследовал запрещенные развлечения, Улугбек в Самарканде, в кругу ученых и поэтов, поступал зачастую вразрез с предписаниями религии.

---

* Перепечатано с сокращениями из написанного акад. АН УзССР Т. Н. Кары-Ниязовым § 4 главы 5 «Истории Самарканда», т. I (Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 212—231). — *Ред.*

Таким образом, деятельность Улугбека во многом отличалась от деятельности его предшественников и, несомненно, играла в свое время прогрессивную роль, особенно в области науки.

Только благодаря страстной любви к науке, исключительным способностям и трудолюбию, Улугбек добился замечательных успехов как основатель и руководитель астрономической школы, которая во всем мире заслуженно пользуется общепризнанной славой.

Исключительные способности, превосходная память и постоянное накопление знаний привели к тому, что у Улугбека развивались вкус и стремление к науке. В результате дальнейшего углубления знаний и систематической упорной работы над собой Улугбек приобрел огромную эрудицию, опередив многих своих современников... Основным источником знаний Улугбека было культурное наследие предков — древних народов Средней Азии.

Развитие точных наук в ту эпоху, наличие прекрасных сочинений в этой области и, наконец, общение с виднейшими астрономами и математиками определили направление научной деятельности Улугбека.

В эпоху Улугбека жили и творили такие представители науки, литературы и искусства, как историк Лутфулла Хафизи Абру (ум. в 1431 г.), автор замечательного произведения «Сливки летописей»; Али ибн Мухаммед Джурджани (ум. в 1413 г.), автор известного философско-суфийского трактата («Ат-тарифати Джурджани»); медик Мавлонс Нафис; лирические поэты Сираджиддин Бистари Самарканди (ум. в 1412 г.), Хэяли-йи Бухари (ум. в 1449 г.), Бадахши Дурбек — автор поэмы «Юсуф и Зулейха», написанной в 1409—1410 гг., Саккаки (ум. в 1465 или 1468 г.) — основоположник жанра касыды и др. В Самарканде жили знаменитые каллиграфы Абдуррахман Хорезми и его сыновья Абдуррахим и Абдулкарим, которые создали замечательные виды искусства каллиграфии и новые формы необычайно изящного почерка, и поныне украшающие всякого рода древние памятники (рукописи, резьба по дереву, мрамору, металлу и т. д.). Несколько позже в Самарканде жили и учились Абдуррахман Джами и Алишер Навои...

Улугбека окружали представители литературы, поэзии, искусства и науки, среди которых астрономы занимали ведущее, почетное место. При активном участии и руководстве Улугбека научная работа успешно развивалась. Систематические занятия по астрономии неизбежно приводили к соответствующим наблюдениям и простейшим астрономическим измерениям, очевидно, при помощи таких инструментов, как астролябия, параллактические линейки, солнечные часы и т. д., что явилось необходимой предпосылкой для сооружения обсерватории.

Улугбек, основав медресе, сам подбирал ученых для преподавания, предварительно побеседовав с ними и убедившись в достаточности их научной квалификации...

Казы-заде Руми (Салахуддин Муса ибн Махмуд)... был одним из первых преподавателей медресе Улугбека. За чрезвычайную ученость современники называли его «Афлотуни замон», т. е. «Платон своей эпохи». Он похоронен в Самарканде, где над его могилой по распоряжению Улугбека, высоко ценившего Казы-заде, воздвигнут мавзолей, находящийся вблизи группы мавзолеев Шахи-Зинда.

Другим крупным математиком и астрономом, сыгравшим важную роль в истории школы Улубека, был Гияссуддин Джемшид ибн Масъуд. Им еще в 1416 г. был написан трактат об астрономических инструментах, из которых, как увидим далее, многие оказались в

обсерватории Улугбека. Он же является автором ряда математических и астрономических работ.

Видными астрономами школы Улугбека были Муинаддин, его сын Мансур Каши и ученик последнего — Али ибн Мухаммед Бирджанди, комментатор трудов Улугбека.

Следует упомянуть комментатора трудов Улугбека, талантливого ученика Казы-заде и Улугбека, математика и астронома, самаркандца Алауддина Али ибн Мухаммед Кушчи, прозванного «Птолемеем своей эпохи». Он состоял в штате придворной охоты, почему и носил чин «кушчи» (сокольничий). Али Кушчи был одним из ближайших помощников Улугбека в его научной работе. Заслуживает внимания как представитель рассматриваемой школы комментатор трудов Улугбека внук Казы-заде Мерием Челеби.

Наряду с другими преподавателями медресе Улугбек читал лекции по астрономии.

Одним из замечательных и важнейших достижений Улугбека и его школы является определение синуса дуги одного градуса, приведшее к алгебраическому уравнению третьей степени...

Деятельность Улугбека развивалась в сложных условиях борьбы с фанатизмом реакционного духовенства. Господствовавшее мировоззрение средних веков было теологическим — все явления природы и отношения в обществе рассматривались как проявления божественной воли. «Догматы церкви, — писал Ф. Энгельс, — стали одновременно и политическими аксиомами... Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве... общей санкции существующего феодального строя»[1]. Это положение полностью относится и к средневековой Средней Азии.

Официальная идеология основывалась на догмах ислама, согласно которым все в мире предопределено. Такое реакционное учение, распространяемое духовенством, служило почвой для процветания всякого рода суеверий... Всякое учение, противоречившее исламу, считалось ересью и жестоко преследовалось. Вот почему ученые в творческой работе порой были вынуждены, хотя бы внешне, подчиняться догмам ислама и в своих произведениях скрывать прогрессивную мысль под религиозным покровом.

В основе астрономических работ школы Улугбека лежит геоцентрическая система мира, хотя имеются некоторые основания полагать, что гелиоцентрический взгляд не был чужд представителям этой школы.

Среди преподаваемых в медресе Улугбека дисциплин, как мы уже говорили, одно из видных мест занимала астрономия. Успешная преподовательская и научная деятельность возглавляемой Улугбеком группы астрономов привела его к мысли о необходимости создания обсерватории.... К осуществлению этой идеи он приступает через четыре года после основания вышеупомянутого медресе... У подошвы Кухака, на берегу арыка Обирахмат, Мирза Улугбек воздвиг трехэтажное здание обсерватории...

Однако... долгое время точное местонахождение обсерватории Улугбека оставалось неизвестным. Лишь в 1908 г. самаркандскому археологу В. Л. Вяткину удалось обнаружить под развалинами ее остатки.

Холм, где найдены остатки обсерватории, представляет естественную каменистую возвышенность высотой примерно 21 *м*, шириной в

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360.

основании с востока на запад около 85 *м*, длиной с юга на север 170 *м*. С вершины холма во все стороны открывается обширный и живописный горизонт.

Во время раскопок было найдено множество изразцовых кирпичиков различного цвета, а также куски изразцовой мозаики, какими, например, украшено медресе Улугбека в Самарканде. Очевидно, здание обсерватории было оформлено согласно господствующему архитектурному стилю той эпохи. Как утверждают исторические источники, стенная живопись изображала небесную сферу, небесные тела, их положения и взаимоотношения, орбиты планет, неподвижные звезды, земной шар с морями, городами, делениями на климатические пояса и т. д.

Если при этом учесть огромную высоту трехэтажного здания обсерватории, стоявшей на высоком холме, то, надо полагать, она производила величественное впечатление...

В мировой литературе XVII—XVIII вв., где говорится об обсерватории Улугбека, указывается на ее величие и грандиозные размеры, в частности высота главного ее инструмента приравнивается к высоте известного храма Ая-Софии в Стамбуле (т. е. примерно 50 *м*).

Удачно была решена задача установления подобного инструмента. В траншее шириной около 2 *м*, вырытой в холме в направлении меридиана, была помещена часть дуги инструмента. Сохранившаяся его часть, находящаяся в траншее, состоит из двух параллельно идущих на расстоянии 51 *см* друг от друга барьеров. Она сложена из жженого кирпича, оштукатурена алебастром и облицована мрамором. На инструменте нанесены деления с интервалом 70,2 *см*, что соответствует делению через каждый градус. На мраморных плитах несколько ближе к внутреннему краю, сделан желобок, предназначенный для установления и продвижения по нему соответствующего инструмента для наблюдений.

Важнейшим результатом научных работ Улугбека и его сотрудников являются астрономические таблицы, названные «Зидж Улугбека», или «Зидж Гурагони». Слово «Гурагон» означает титул (ханского) зятя, который носил Улугбек, подобно Тимуру...

Рассматриваемый «Зидж Улугбека» содержит «Введение» (теорию) и собственно таблицы, составленные по наблюдениям, произведенным в Самаркандской обсерватории...

Введение, т. е. теоретическая часть «Зиджа Улугбека», была написана Улугбеком до накопления наблюдений, а затем переведена с таджикского на арабский язык Гиясуддином Джемшидом...

К сожалению, многие труды представителей самаркандской школы астрономов до нас не дошли: одни из них утеряны, другие... уничтожены реакционным духовенством. Лишь небольшая сохранившаяся часть рукописей является достоянием немногих крупнейших библиотек мира. Одному из виднейших сотрудников Улугбека Гиясуддин Джемшиду принадлежат работы: 1. «Усовершествованные Ильханские таблицы Хакана». В основе этих астрономических таблиц лежат таблицы, составленные в Мерагской обсерватории под руководством Насириддина Туси. Эти таблицы Джемшидом подвергнуты тщательному критическому анализу, исправлены, а также значительно дополнены новыми данными. Работа написана на таджикском языке; экземпляр ее хранится в б. библиотеке Ая-Софии (№ 2692); работа, как видно из заглавия, посвящена хакану (т. е. султану). 2. «Услада прекрасных садов», где дано изложение изобретенного автором астрономического инструмента для решения некоторых практических вопросов астрономии, в

частности для определения широты и долготы небесных светил. Экземпляр рукописи этого трактата имеется в библиотеке «India office» в Лондоне (Ms. 210). 3. «Лестница небес», на арабском языке. В работе рассматриваются вопросы, относящиеся к измерениям небесных тел. Отдельные экземпляры трактата имеются в некоторых библиотеках Европы, в частности в Лейденской (№ 1141) и Оксфордской (№ 1.881.4°). 4. «Трактат о хордах и синусах» посвящен методу вычисления синуса дуги одного градуса. 5. «Ключ к арифметике», где рассматриваются некоторые важнейшие вопросы арифметики и алгебры. 6. «Трактат об окружности», в котором дан метод определения приближенного значения отношения окружности к диаметру. В трактате «Ключ к арифметике» рассмотрены весьма важные вопросы, в частности такие, как десятичные дроби, открытые Джемшидом, общий прием извлечения корней по способу, носящему теперь имена Руфини — Горнера, а также применение формулы бинома Ньютона для любого натурального показателя.

Заслуживают внимания работы упомянутого выше астронома, сотрудника обсерватории Улугбека Салахиддина Муса ибн Махмуд Казы-заде. Им написаны: 1. «Трактат по арифметике», на арабском языке. Само сочинение и комментарий к нему неизвестного автора были в библиотеке Али-паши (№ 1992) в Стамбуле. 2. Комментарии к «Сущности астрономии» Махмуда ибн Мухаммеда ибн Омара ал-Чагмини. Работа пользовалась большой популярностью среди изучающих астрономию, в частности являлась настольной книгой студентов-астрономов. Экземпляр сочинения (на арабском языке) имеется в Институте востоковедения АН УзССР (№ 2655). 3. «Комментарии к основам фигур» Шамсуддина Самарканди, где рассматриваются важные геометрические вопросы. 4. «Трактат о синусе», здесь дан новый упрощенный вариант определения синуса дуги одного градуса, основанный на методе, предложенном Гиясуддином Джемшидом.

Следующим талантливым представителем рассматриваемой школы является Али Кушчи, ученик Улугбека. Ему приписываются работы: 1. «Трактат по арифметике», написанный на таджикском языке и состоящий из трех частей; посвящен индусской математике и некоторым вопросам астрономии. Экземпляры его хранятся в Лейденской библиотеке (№ 1050) и Институте востоковедения АН УзССР (№ 3356). 2. «Трактат по астрономии», древнейший экземпляр которого (№ 2639) был в б. библиотеке Ая-Софии, а также в Институте востоковедения АН УзССР в Ташкенте (№ 3356). 3. «Трактат о решении лунообразной фигуры». 4. «Трактат Мухаммедия», где рассматриваются вопросы арифметики и алгебры. После трагической смерти Улугбека Али-Кушчи переселился в Стамбул, где этот трактат им был переведен с таджикского на арабский язык и преподнесен султану Мухамеду II, откуда и название «Мухаммедия». Экземпляр сочинения, собственноручно написанный автором на арабском языке, был в б. библиотеке Ая-София (№ 2733). 5. «Фатхия» — трактат по астрономии на арабском языке. Отдельные экземпляры сочинения были в Париже (№ 2504,4°) и Стамбуле (№ 1474/75). 6. «Комментарии к таблицам Улугбека», или «Комментарии к таблицам Гурагони». Этот труд, известный по литературным данным, по-видимому, не сохранился до наших дней. Али Кушчи умер в 1474 г. в Стамбуле.

Замечательным представителем школы Улугбека был и внук Казызаде Махмуд ибн Мухаммед, более известный под именем Мерием Челеби. Перу этого ученого принадлежат: «Комментарии к таблицам Улугбека» — обширный труд на таджикском языке, написанный по

просьбе турецкого султана Баязеда II; хранится в некоторых библиотеках Европы, в частности в Париже (№ 171) и Стамбуле (№ 2697). 2. Комментарии к астрономическому «Трактату Фатхия» Али Кушчи; имеются в Париже (№ 2504,5°). 3. Работы, посвященные вопросам азимута киблы, в том числе довольно обстоятельный «Трактат по исследованию азимута киблы», находящийся в Стамбуле (№ 2628). 4. «Полный трактат о синусе», или «Полное собрание о синусе». Работа посвящена анализу вопросов, касающихся синуса дуги. 5. «Трактат об альмукантарате» (точнее — о четверти альмукантарата).

Среди астрономов самаркандской школы необходимо отметить упомянутого Муниддина и его сына Мансура Каши. Но особого внимания заслуживает ученик Каши Абу Али ибн Мухаммед ибн Хусейн Бирджанди, которым написаны следующие работы: 1. Обстоятельные «Комментарии к Гурагонским таблицам», т. е. к таблицам Улугбека; эта работа в виде прекрасно сохранившейся рукописи на таджикском языке со множеством чертежей, датированных 929 г. х. (1522), хранится в Институте востоковедения АН УзССР (№ 704) и представлена автографом автора. 2. Толкование вышеупомянутых комментариев Казы-заде к «Астрономическому трактату Чигмини»; имеется в библиотеках Западной Европы, а также в Ленинграде (№ 126,2°), 3. Комментарии к «Альмагесту» — арабскому переводу Насириддина Туси; хранится в Институте востоковедения АН УзССР (№ 464). 4. Комментарии к трактату по астролябии Насириддина Туси — в Британском музее (№ 22 752), в Стамбуле (№ 3646), Ленинграде (№ 315,2° и 317,2°) и Ташкенте — в Институте востоковедения АН УзССР (№ 1854). В этой работе, состоящей из двадцати глав, Бирджанди дает подробное описание, теоретическое обоснование и применение астролябии к различным вопросам астрономии. 5. Трактат по летосчислению на таджикском языке; хранится в Оксфорде (№ 73,12). 6. Трактат по астрономии на таджикском языке, единственный экземпляр которого имеется в Оксфорде (№ 73,10).

Каталог звезд Улугбека был напечатан в 1665 г. в Оксфорде, затем перепечатан в 1767 и 1843 гг. в Лондоне, а обширное введение Улугбека к его астрономическим таблицам переведено и издано в Париже в 1853 г., исследования каталога звезд Улугбека изданы в 1917 г. в Америке. Далее, перу Улугбека принадлежат составленные им географические таблицы, которые вместе с географическими таблицами Насириддина Туси были изданы в 1652 г. в Лондоне.

Все это ярко свидетельствует о популярности астрономической школы Улугбека и ее трудов.

Составление звездных каталогов требует огромного, кропотливого труда. Они имеют большую научную ценность, ибо не только дают представление о распределении светил на небосводе в различные эпохи, но, и это самое главное, являются прекрасным материалом для изучения движения небесных тел. Так, хотя в настоящее время есть основания предполагать, что явление прецессии было открыто еще вавилонскими астрономами, однако оно впервые было обстоятельно подтверждено благодаря каталогу Гиппарха. Составляя каталог, он сравнивал свои наблюдения с результатами, полученными Аристиллом и Тимохарисом за 150 лет до него. Оказалось, что все долготы звезд увеличились, а широты остались неизменными, точка же весеннего равноденствия в течение года перемещалась по эклиптике к западу на 36″.

После Гиппарха вторым астрономом, составившим фундаментальный каталог звезд, был Улугбек. Его каталог имеет гораздо бо́льшую

ценность, ибо он основан на положениях звезд, действительно определенных в Самаркандской обсерватории. Он представляет по существу второй серьезный каталог за 16 столетий...

Каталог звезд Улугбека ценен тем, что он составлен в результате непосредственных наблюдений. Эта работа была действительно оригинальной, тогда как все те, которые мы встречали до сих пор, были извлечены из Птолемея, по крайней мере в отношении координат.

Примерно в этом смысле высказывается и Лаплас, который называет Улугбека «величайшим наблюдателем». «Он составил сам в Самарканде, — говорит Лаплас, — столице своих владений, новый каталог звезд и астрономические таблицы, лучшие из тех, которые существовали до Тихо Браге»...

После убийства Улугбека (27 октября 1449 г.) в Мавераннахре наступает тяжелый период разгула феодально-клерикальной реакции, которая привела к общему упадку культуры и длительному застою науки. Обсерватория Улугбека была разрушена фанатиками, а его ученики подверглись жестоким гонениям. Однако их труды, вся плодотворная деятельность Улугбека и ученых его школы оказали огромное влияние на последующее развитие научной мысли не только Средней Азии, но и многих стран Востока.

Как говорил еще Алишер Навои, «все сородичи Улугбека ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого». И имя его живет в веках!

Т. Н. Қори-Ниёзов

САМАРҚАНД — XIV—XV АСРЛАРДА МОВАРОУННАҲР ИЛМИЙ ТАФАККУРИНИНГ МАРКАЗИ

Мақолада XIV-XV асрларда Ўрта Осиё маданияти ва фанининг йирик маркази сифатидаги Самарқанднинг характеристикаси келтирилади. Автор бутун дунёга машҳур Улуғбек астрономия мактабининг илмий фаолиятига алоҳида эътибор беради.

Я. Г. ГУЛЯМОВ, Ю. Ф. БУРЯКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО САМАРКАНДА

Город Самарканд уже в глубокой древности сложился как центр развитой оседло-земледельческой культуры долины Зарафшана. Он получает быстрое развитие как политический и торгово-ремесленный пункт благодаря удобному расположению на важном караванном пути, связавшем страны Европы, Ближнего и Дальнего Востока. И развивался он не только как посредник, но и как крупный центр ремесленного производства, активный участник международного рынка. Наряду с этим Самарканд превращается в административный центр крупной земледельческой области, а в некоторые периоды истории — в столицу больших государственных образований.

Изучение богатого прошлого города представляет значительный интерес для истории всей обширной территории междуречья Сыр- и Амударьи.

Неслучайно начавшиеся почти столетие назад эпизодические раскопки переросли в последние десятилетия в планомерные исследования. С этой целью Институтом истории и археологии АН УзССР в 1958 г. был создан специальный археологический отряд.

В августе 1966 г. Афрасиаб был объявлен государственным заповедником и для изучения его создана Афрасиабская археологическая комплексная экспедиция, в которую входят коллективы Института истории и археологии АН УзССР, Института искусствознания Министерства культуры УзССР, проблемной лаборатории ТашГУ им. В. И. Ленина, СамГУ им. А. Навои, Музея истории народов Узбекистана. Музея истории культуры и искусства Узбекской ССР. В обработке материалов активную помощь оказывают научные сотрудники АН СССР и союзных республик.

Экспедицией проведены уже широкие раскопочные работы в западной, центральной и северной частях Афрасиаба, создана группа археологического надзора на новостройках за пределами городища, возобновлено изучение ремесленных пригородов — рабадов.

Данные письменных источников о времени основания Самарканда отсутствуют, и возраст города выяснен лишь благодаря археологическим раскопкам, исключительно ценные результаты которых позволили твердо говорить о функционировании здесь уже 25 веков назад городского центра.

На самой северной окраине городища, вдоль русла Сиаба, под культурными наслоениями 5-метровой мощности раскрыты остатки монументальной стены из сырцового кирпича квадратной формы (36×36×14—16 *см*). Толщина стены — до 7 *м*, сохранившаяся высота ее превышает 6 *м*. С востока она примыкает к естественному лёссовому

холму. Археологический материал, перекрывающий стену и лежащий в отвалах вдоль нее, представлен керамикой середины I тыс. до н. э.[1]

Перед нами остатки крепостной стены или какого-либо крупного фортификационного сооружения оборонительной системы, при возведении которого строители умело использовали рельеф местности. Не эти ли стены приходилось осаждать, а затем разрушать фалангам Александра Македонского? Дальнейшие работы экспедиции помогут выяснить характер оборонительной системы античного Самарканда.

Пока еще неясно время возведения крепостного ядра на месте цитадели Афрасиаба. Но можно твердо считать, что наиболее густо обжитой на древнейшем этапе была северная возвышенная площадь подпрямоугольной формы в пределах квадратов 31—32—41—42, накопившая мощные культурные слои. На юге она ограничивалась пределами первой линии оборонительной стены, на западе — углублением — «хаузом», на севере и востоке — руслом Сиаба.

Еще ранее в западной части этого массива С. К. Кабановым и М. И. Филанович были получены материалы середины I тыс. до н. э.[2] Последующие работы дали аналогичные наслоения в более восточных раскопах[3] и, наконец, указанную выше крепостную стену.

Не исключено, что вся площадь в пределах описанного прямоугольника входила в состав первоначального укрепления — акрополя античных авторов. Согласно описаниям, он располагался на высоком холме и имел двухстворчатые ворота и ров. К югу мог располагаться «нижний город». Слои последнего изучены еще слабо, но проведенные на широких площадях раскопки показывают здесь значительно более редкую степень обживания.

Из последних исследований представляет интерес скопление древнейших материалов в котлованах западной части городища[4]. Эти работы значительно расширили состав материальной культуры, особенно форм керамики, и позволили дать более подробную периодизацию древнейших этапов истории города.

Большой интерес вызвало открытие в 1970 г. в восточной части городища, близ мазара Ходжа Данияра, протока, самотеком поступавшего на городище[5]. Русло его зафиксировано в разрезах оврагов на глубине более 7 *м* и представлено линзами аллювиальных отложений из песка и галечника шириной до 8 *м*. Перекрывается русло мелководными отложениями. Наличие в нем крупного галечника говорит о непосредственной связи с рекой или горным протоком. Русло лежит в небольшом культурном слое, по берегам его в нижних слоях, среди зольников, найдены фрагменты толстостенной керамики с легким изломом в придонной части, аналогичные материалу из описанного выше котлована, и обломка котла, сформованного на матерчатом шаблоне. Этот прием лепки характерен для Самарканда середины I тыс. до н. э.[6]

Новые находки расширяют количество пунктов обживания территории городища.

---

[1] Раскоп 41/XVII, руководитель раскопа Г. В. Шишкина.

[2] В. А. Шишкин. Кала'и Афрасиаб, в сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1968, стр. 138.

[3] Раскопы М. К. Пачоса и М. И. Филанович.

[4] Раскоп 25/VI, руководитель С. К. Кабанов.

[5] Участок обследован Ю. Ф. Буряковым, Г. В. Шишкиной и географом ТашГПИ им. Низами Р. Л. Югаем.

[6] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, М., 1950, стр. 155.

Вместе с тем представляется, что ни топография древних наслоений, ни данные письменных источников не позволяют пока утверждать, как это делает И. В. Пьянков, что Мараканды в то время уже состояли из цитадели, шахристана и рабада в пределах стены Девори Кыёмат или Кундалянг[7].

С конца IV или, скорее, с начала III в. до н. э. (если учесть, что конец IV в. до н. э. — период упорной борьбы жителей Согдианы с Александром Македонским и время разрушения Самарканда) начинается новый этап в истории города, сопровождающийся значительным ростом его, количественными и качественными изменениями материальной культуры.

Материалы этого времени выявлены в разрезах западнее современной дороги город—аэропорт, в 200 *м* от северного края городища. Здесь на значительном протяжении расчищены культурные слои, примыкающие с двух сторон к лёссовому холму, и русло небольшого арыка. Встречается керамика с тонким полосчатым лощением по плотному красному ангобу.

Раскопки последних лет доказали, что город того времени не ограничивался пределами Афрасиаба, а расширился, в частности на восток, за пределы Сиаба[8]. Среди находок на этой территории уникальной является небольшая медная монета неправильной округлой формы со слегка скошенным гуртом (16×19 *мм*). На одной стороне (очень плохой сохранности) изображена, вероятно, голова лошади, на другой по краю надпись ANTIOXOY, в центре кадуцей и кружочек, вероятно, с треугольником внутри. Известно, что Антиох I Сотер управлял восточными, в том числе среднеазиатскими, областями с начала III в. до н. э. в качестве наместника и соправителя своего отца, а с 280 г. до н. э. — самостоятельно.

В литературе уже говорилось о возможности чекана при Антиохе, наряду с золотой и серебряной, и медной монеты[9], что и подтвердила находка данной монеты. Пока еще трудно сказать, к какому этапу правления Антиоха следует отнести ее — позднему или раннему. Обращает на себя внимание отсутствие титулатуры, характерной для серебряной и золотой монеты.

Находка эта позволила также дать более четкую датировку материалов — керамики, бронзового втульчатого трехлопастного наконечника стрелы с выступающей трехгранной втулкой и небольшой стеклянной граненой поделки типа вставки в перстень[10].

В целом для этого периода характерны значительные изменения в формах керамики и технике ее орнаментации.

С этого времени распространяются крупные сосуды-хранилища овально-вытянутой формы, высотой до 125 *см*, с широкой, утолщенной (до 6 *см*), почти горизонтальной площадкой венчика и округлым донцем, горшки со слегка отогнутыми наружу валикообразными закраинами, миски с Т- и Г-образной формой венчиков, сосуды типа римских «рыбниц», сосуды на кольцевом поддоне, а затем и кубкообразные

[7] И. В. Пьянков. Мараканды. Вестник древней истории (ВДИ), М., 1970, № 3, стр. 43. Есть мнение, что Девори Кыёмат и Девори Кундалянг — различные стены. См. М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 158, 159—160.

[8] Раскопки площади к востоку от Сиаба проводились Ю. Ф. Буряковым и М. Тагиевым.

[9] История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 286.

[10] Описание материала см.: Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба, Общественные науки в Узбекистане (ОНУ), Ташкент, 1968, № 8, стр. 59—60.

сосуды на кольцевой ножке. Распространяется техника тщательного покрытия некоторых форм сосудов красным ангобом, соперничающим по плотности с лаком, и вертикального полосчатого лощения.

Материалы первых веков до н. э. найдены также на территории к югу от Афрасиаба, в районе Регистана[11]. К востоку от медресе Ширдор и к северу от Тилля-кори под толщей культурных наслоений на глубине 8—10 *м* раскрыт магистральный канал. Материал вдоль него разнообразен; в нижних слоях найдены сосуды типа Афрасиаб II—III, т. е. первых веков до н. э.

Канал мы связываем с созданием системы искусственного водоснабжения города в период его расцвета. Основной функцией его на первых порах было обеспечение водой городской территории, где нехватка воды, вероятно, стала резко сказываться при освоении центральных площадей Афрасиаба. Наблюдения за широкими площадями на Регистане показали, что здесь степень обживания была очень слабой, находки встречаются в основном вдоль канала. Судя по характеру аллювиальных отложений, его следует связывать с системой Даргома. Значит, расположение Клавдием Птолемеем Мараканды на Даргомане не случайно. Следует учесть и замечание И. В. Пьянкова, что Птолемей располагал старой традиционной картой Эратосфена (вторая половина III в. до н. э.)[12], хотя на месте Эратосфеновой Мараканды столицей Согдианы им названа Дрепса.

Слои первых веков н. э. выявлены экспедицией в ряде пунктов, а в северной части городища впервые для Самарканда раскрыто хранилище со скоплением крупных сосудов поры Афрасиаб III—IV[13]. Над ним раскрыт слой с тиглями, в одном из которых сохранились остатки меди. Это ремесленно-металлургический пункт города первых столетий н. э. Если учесть, что раскопками предшествующих лет поблизости вскрыта керамическая печь того же времени[14], то мы вправе говорить уже по крайней мере о двух видах ремесла, концентрировавшихся в наиболее обжитой части города.

Значительные материалы получены в последние годы по истории Самарканда поры становления и развития феодализма.

В северной части начато полное вскрытие цитадели[15], в западной — раскрыты раннефеодальные стены, неоднократно наращивавшиеся при ремонтах, так что местами ширина их превышает 10 *м*. Последний крупный ремонт связывается с событиями 1220 г., когда город был взят войсками Чингиз-хана. Интересно применение в кладке каркаса в виде деревянных бревен и камышовых прокладок, которые с древних времен применялись в антисейсмических целях[16].

В цитадели раскрыта группа парадных помещений XI—XII вв. с обводным коридором. Стены некоторых зал и коридоров украшены плохо сохранившейся монументальной росписью с жанровыми сценами. В северо-западном углу цитадели, на возвышении за пределами стены, открыта площадка типа куринишханы. При вскрытии помещений расчищено большое количество изразцовых облицовочных кирпичиков раннего типа, белого, синего и марганцевого цвета. Ниже рас-

---

[11] Раскопки велись отрядом АН УзССР (Ю. Ф. Буряков, А. Ибрагимов, Р. Равшанов, Э. Ю. Бурякова) и СамГУ (Я. Крикис, Ю. А. Аванесова, Х. Адилов).

[12] И. В. Пьянков. Указ. статья, стр. 38.

[13] Раскоп 31/XVII, раскопки У. Алимова и Ю. Бурякова.

[14] Раскоп Я. Крикиса.

[15] Работы проводят М. К. Пачос, Г. Дадабаев, Г. В. Шишкина.

[16] Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, М.—Л., 1949, стр. 22.

крыты уровни обживания крепостной площади с хозяйственными ямами, заполненными стеклянной и керамической продукцией VIII—IX и XII вв. н. э. Они находятся на руинах монументальной пахсовой крепостной стены.

Расчистками предыдущих лет раскрыт юго-восточный фас цитадели с округлыми башнями и стенами, конструктивно включающими два объема: вертикальную верхнюю плоскость и цоколь с уклоном наружу в 70°. Сложены они из пахсы, отремонтированы пахсовой же рубашкой 2-метровой толщины, закрывавшей выступ башни и делавшей гладкой южную часть восточного фаса.

К западу от цитадели проводится полное вскрытие одного из монументальных архитектурных комплексов домонгольского Самарканда — соборной мечети, местоположение которой было определено еще В. В. Бартольдом раскопками 1904 г.[17], продолженными В. Л. Вяткиным[18]. Небольшие раскопки предпринимались в 1959[19] и 1966 гг.[20] В настоящее время оконтурены три стены мечети (кроме западной), уточнены ее размеры[21]. Мечеть (79,5×119 *м*) вытянута с запада на восток со склонением к югу на 20°.

В основе ее лежит раннефеодальное сооружение, стены которого сложены из пахсовых блоков и крупного прямоугольного сырцового кирпича, неоднократно ремонтировавшегося сырцовым (40×20×7—8 *см*), жженым (28×14×4; 32×16×4 *см*) кирпичом и пахсовыми блоками.

Первоначальное сооружение, судя по сопровождающему материалу, предварительно можно датировать серединой I тыс. н. э. и функционально определить как храмовое, на месте которого, согласно автору «Кандии», арабы поставили соборную мечеть[22].

Раскрыто 4 входа: два с юга и по одному с востока и севера. Подходы к ним были оборудованы дорожками с бордюрами. Ввиду значительной разницы уровней внутри и вне здания входы были оборудованы ступенями, деревянными и из жженого кирпича. Под южным входом, близ восточной стены, расчищен тазар, обложенный жженым кирпичом и, вероятно, служивший для отвода воды из мечети. Внутри мечети и вокруг нее расчищены кирпичные устои колонн и два уровня полов, на верхнем из которых лежит мощный слой пожарища, где выявлены резные деревянные детали интерьера, найдено оружие и доспехи самаркандцев — прямой железный меч, железная кольчуга. (Вспомним, что мечеть была последним пунктом обороны самаркандцев весной 1220 г.).

Вдоль северной стены мечети расчищены плавильные печи, металлические шлаки. Здесь функционировали ремесленные, в частности

---

[17] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г., Сочинения, т. IV, М., 1966, стр. 131.

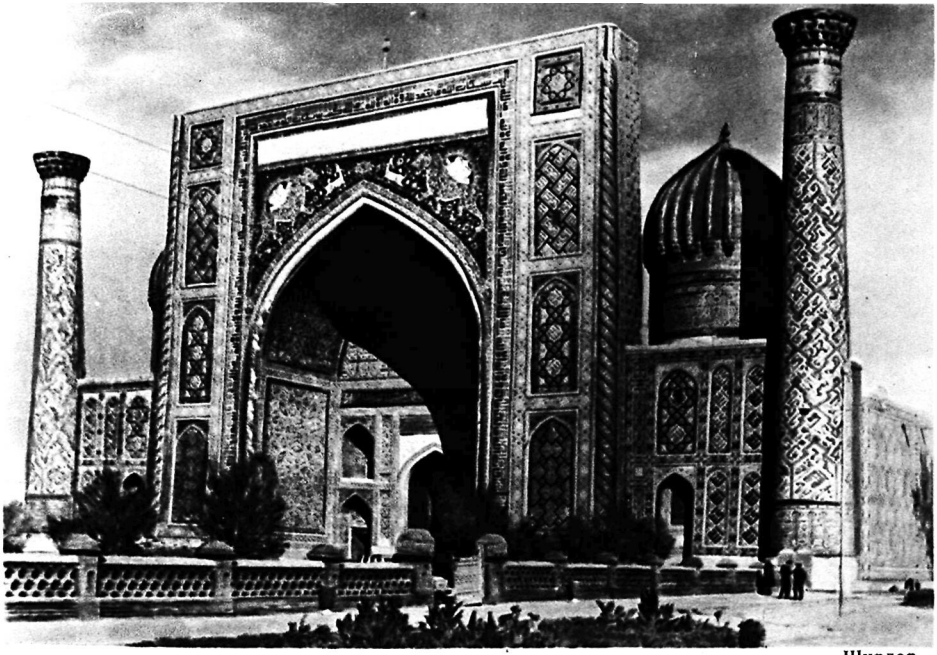
[18] В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, СПб., 1908, № 1, стр. 1—15.

[19] Раскопки Я. Крикиса. См. В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 41.

[20] Раскопки М. И. Филановича. См. В. А. Шишкин. Кала' и Афрасиаб, стр. 146.

[21] Раскопки Ю. Ф. Бурякова и М. Н. Федорова.

[22] Кандия Малая, перевод В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1905, стр. 250.



Ширдор.

ювелирные, мастерские. С запада к мечети примыкает мавзолей Караханида Ибрагима ибн Хусейна[23].

В 1968 г. здесь найдено большое количество фрагментов терракотовой облицовки зданий XI—XII вв., а стратиграфический шурф выявил культурные наслоения вплоть до рубежа н. э. В последующие годы выявлены остатки монументального раннефеодального сооружения с пахсовыми стенами, местами сохранившими следы окраски. К ним примыкают парадные сооружения XI—XII вв. с монументальной стенной росписью и большими айванами[24]. Под полом одного из помещений в слое XI—XII вв. найден в специальной керамической копилке монетный клад из 165 «черных дирхемов» VIII в. хорошей сохранности.

К северо-востоку от мечети расчищена уличная магистраль, вымощенная рваным чупанатинским камнем. Она проходила, вероятно, между мечетью и цитаделью. С запада к ним примыкает мощеная булыжником поперечная улица. Они сливались близ крепостной стены и выходили в северный рабад. При стратиграфических раскопках расчищено 5 разновременных уровней дороги, по крайней мере с середины I тыс. н. э. до начала XIII в.

К западу от дороги раскрыты жилые комплексы VIII — начала X и XI — начала XIII в. Последние перекрыты небольшим кладбищем. Основная группа могил относится ко времени запустения города после монгольского нашествия, когда большая часть лишенного воды города уже была заброшена и лишь вдоль Сиаба жили ремесленники, использовавшие строительные материалы из разрушенных сооружений.

Экспедицией получены новые материалы по монументальному искусству древних согдийцев. В центральной части городища завершено вскрытие нарядного парадного зала дворцового комплекса конца VII в., стены которого были покрыты монументальными росписями.

На южной стене выявлено многокрасочное изображение сцены свадьбы владельца дворца — самаркандского царя Вархумана (651—675 и 696) с принцессой из другого царства. На восточной стене, видимо, изображена мифологическая сцена («Море блаженства»). На западной стене — сцена приема царем Вархуманом послов из Чаганианского (Сурхандарьинская область), Чачского (Ташкентская область) и иных царств. На северной — сцены царской охоты на леопардов, переправы через «море чудес» и т. п. Росписи эти являются прекрасным памятником художественного мастерства согдийцев.

С востока к дворцовому комплексу примыкает здание культового назначения[25]. Оно, видимо, сожжено арабами. Предполагается, что здесь был дворцовый храм. Большое помещение (видимо, одно из нескольких) было перекрыто резным деревянным потолком. На суфах вдоль стен лежали обуглившиеся деревянные изваяния храмовых жриц-танцовщиц, а на стенах кое-где сохранились обгоревшие следы росписи.

На руинах дворцового комплекса, судя по монетам, уже с конца VIII в. начинается новое обживание, вырастают кварталы самаркандских ремесленников. В IX в. здесь функционирует цех гончаров.

---

[23] Определение М. Е. Массона, раскопки проводятся сотрудниками проблемной лаборатории ТашГУ (Г. Я. Дресвянская, П. Валиев).

[24] Раскоп М. Согдиева.

[25] Раскоп Л. И. Альбаума, реставрационно-консервационные работы химико-технологической лаборатории Института истории и археологии АН УзССР (руководитель А. А. Абдуразаков).

Вскрыты производственные помещения с плавильными горнами и очажками для обжига фритты, жерновами для ее дробления, хранилищами сырья и красителей, площадками для подготовки глины и формовки сосудов, айванами для их сушки и круглыми в плане двухъярусными обжигательными керамическими печами.

Получен разнообразный комплекс глазурованной посуды с монохромным и полихромным орнаментом по белому, коричневому и черному фону. Сюжеты эпиграфические, зооморфные, растительные, геометрические. Среди сосудов представлены коса, пиала, лаганы, дастшуи, сосуды закрытых форм, чираги и чернильницы.

Керамика и обильный медный материал позволяют отнести время функционирования мастерских в основном к IX—X вв., а обилие форм сосудов дает возможность проследить эволюцию керамического производства.

К востоку от квартала изучен жилой дом богатого горожанина, функционировавший с перестройками с конца VIII до X в.[26] В нем расчищены прекрасные детали резного ганча, покрывавшего стены и купол дома. Реконструкция их позволила Л. И. Ремпелю восстановить облик дома самаркандской эпохи.

Большое внимание было уделено изучению самаркандского рабада. Наряду с обследованием северных участков, где найдены фрагменты оссуария с резным орнаментом и остатки жилых домов IX—X вв., и западного рабада, где зафиксированы гончарные мастерские и жилые комплексы IX—XII вв., основное внимание было сосредоточено на обширных южных площадях.

К югу от комплекса Шахи-Зинда разрезана оборонительная стена тимуридского хисара. Вдоль нее получены материалы IX—XV вв. Шурфом близ мавзолея Биби-Ханым вскрыты остатки канала IX — начала XIII в., проходившего в западном направлении и орошавшего некоторые участки юго-восточного рабада. Широкое освоение их, как отмечалось в «Кандии», начинается с VIII в., причем проведение оросительной системы к юго-востоку от шахристана приписывается эмиру Мухаджиру[27].

Но основное внимание было уделено району Регистана. Здесь вскрыт магистральный канал, функционировавший, как отмечалось выше, еще с античной поры, и его крупные и мелкие отводы, сеть которых густо развивается в IX—XII вв. н. э. Один из каналов, расчищенный в 1970 г., проходил с юга на север в квартал Чакардиза. Берега его были обложены жженым кирпичом и рваным чупанатинским камнем. Второй канал отходил на запад вплоть до Новадона. Несколько крупных и мелких арыков проходило по площади Регистан.

Вдоль каналов преобладают материалы IX — начала XIII в. — остатки архитектурных сооружений жилого и общественного назначения, сложенных из жженого кирпича, изделия из глины, стекла и металла, орудия труда гончаров и медников, металлический и керамический шлак, а также многочисленные монеты.

В восточной части площади, входившей в состав квартала Чакардиза, вскрыты погребальные сооружения в узких ящиках из жженого кирпича, ориентированных по линии запад — восток. В них найдены железный наконечник копья и металлические украшения. Рядом раскрыты фрагменты сооружения храмового типа. Сохранились остатки пола, выложенного майоликовой плиткой в форме несторианского кре-

[26] Раскоп И. Ахарова.
[27] Кандия Малая..., стр. 263.

ста. Погребения и храм относятся к XII — началу XIII в. и, вероятно, принадлежали местным христианам, община которых в Самарканде была довольно значительной, а здесь даже находилась их митрополия[28].

Над каналом вскрыты монументальные жилые здания, мостовые, ювелирная мастерская XIV в. с уникальной коллекцией художественных бронзовых изделий, украшенных инкрустацией (золотом, серебром, красной медью) и чеканным (растительным, эпиграфическим, геометрическим) орнаментом, а также изобразительными сценами — беседы, пира, охоты.

Интересна мастерская кузнеца с горном и запасом более 2 десятков железных криц. Вскрыты небольшие базарчики и харчевни, которыми, *по свидетельству современников, славился* Самарканд XV столетия.

Большой интерес представила находка крупнейшего в Средней Азии клада серебряных монет аштарханидского периода. Клад найден в глазурованном сосуде и включает 962 монетных кружка, среди которых, по предварительному определению, представлен чекан Надир Мухаммад-хана (1642—1645 гг.) и Абдалазиз-хана (1645—1680 гг.).

Все это дает нам новый ценный материал к истории феодального Самарканда.

Самарканд поры становления феодализма ограничивался пределами двойной крепостной стены, которая, вероятно, уходила через Сиаб и охватывала дополнительную территорию правобережья, где обнаружены отрезки стены, аналогичные крепостному фасу двойной стены. Таким образом, в это время, как и в античную пору, Сиаб еще не был восточной границей города, а в западной части Афрасиаба, за пределами стен, формируется кладбище зороастрийцев с захоронениями в оссуариях и сосудах[29].

В VII — начале VIII в. вторая крепостная стена, вероятно, уже не определяла границы города. В пользу этого говорит расположение дворцовых сооружений за пределами второй стены, распространение материалов VII—VIII вв. на обширной территории Афрасиаба от северного до южного участков. Косвенными фактами могут служить находки во внешнем фасе стены хумов VII в. с монетой с квадратными отверстиями, а также сообщения источников, в частности Истахри, о том, что на южных, Кешских воротах была укреплена железная плита с «химьяритскими» письменами, в которых Э. Блоше предполагает надпись орхонским шрифтом[30], а М. Е. Массон считает, что надпись была на согдийском языке[31]. И в том, и в другом случае появление ее, а следовательно и самих южных ворот Самарканда, следует относить к доарабскому периоду. Вместе с тем вторая стена еще продолжала функционировать в VIII — начале IX в., о чем говорит ремонт ее восточного отрезка в последующие столетия.

Археологические материалы свидетельствуют о сложной динамике развития города VIII — начала XIII в., загустении и затем новом освоении некоторых территорий. Арабское завоевание сопровождалось разрушением городских стен и построек, а затем выселением жителей

---

[28] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане домонгольского периода (по поводу семиреченской надписи), Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 290.

[29] Г. Дадабаев. Оссуарий из Афрасиаба, ОНУ, 1968, № 10, стр. 44—46; М. К. Пачос. Новые находки оссуарных захоронений на территории Афрасиаба, Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов, Л., 1968, стр. 59—60.

[30] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 137—138.

[31] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда..., стр. 161.

в связи с занятием шахристана арабами. Возможно, с этого времени Сиаб и становится окончательной границей города с востока и северо-востока. Отсекаются площади правобережья Сиаба на северо-восток от городища и жизнь там начинает постепенно замирать (последние незначительные материалы, полученные на этой территории обследованием 1968 г., относятся к началу IX в.), и северо-восточный фас стены проходит уже по левому берегу Сиаба.

Арабы, получившие по договору 712 г. внутреннюю часть (шахристан) Самарканда, жестоко обращались с враждебным им местным населением, и последнее стало селиться вне стен города, подальше от арабского гарнизона. К тому же здесь самаркандцам было удобнее пользоваться помощью их кафиркалинских сородичей.

С IX в., когда власть переходит в руки местных правителей Тахиридов, а особенно Саманидов, начинается новый расцвет Самарканда, как на Афрасиабе, так и к югу от него.

Вновь густо обживаются северные участки Афрасиаба, цитадель и площади близ нее. Пока еще не определены контуры соборной мечети этого времени. Судя по описанию Ибн Хаукаля, она должна была располагаться на описываемой площади[32], но вряд ли занимала ее целиком. Здесь расчищены подвальные «комнаты прохлады» (сардобхона), найдены саманидские монеты IX в. и бытовая керамика, что позволяет считать часть территории позднейшей соборной мечети занятой жилыми застройками. К северу от нее расчищены жилые дома IX в. В. Л. Вяткин упоминает здесь находку клада медных и одной серебряной монеты первой половины X в.[33]

С этого же времени осваиваются площади пригородов к северо-западу от цитадели, где в домах найдены в 1968 г. неполивная и глазурованная посуда IX—X вв., стеклянные сосуды, железные ножи. Но район бывшего шахристана уже не был определяющим в экономической, а несколько позже — и в административной жизни города.

Возможно, это в какой-то мере связано с тем, что после выселения арабами местных жителей в рабадах южнее Афрасиаба создается большое ремесленно-торговое ядро, которое не теряет своего значения и с приходом к власти местных правителей. Отчасти же это было обусловлено тем, что быстро развивавшемуся феодальному городу, перехлестнувшему через крепостные стены, нужны были новые площади, а самые удобные из них лежали к югу от шахристана, на обширной слабо пересеченной лёссовой равнине вдоль магистрального канала и его многочисленных отводов.

Так или иначе, но раскопки (1968—1969 гг.) юго-западных и северных площадей показывают, что со второй половины X в. обживаются большие массивы на юго-западе городища, вдоль канала вырастает рабад, превышающий по площади шахристан на Афрасиабе, а участок севернее цитадели и, возможно, отчасти сама цитадель на определенное время приходят в запустение.

Археологические материалы подтверждаются данными письменных источников. Если историки IX — первой половины X в. описывают цитадель Самарканда как укрепленный узел, «место пребывания власти» с железными воротами в начале и конце кухендиза, то Ибн Хаукаль в третьей четверти X в. отмечает, что дворец правителя в

[32] Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны Абу-л-Касыма ибн Хаукаля», Труды САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 15.

[33] В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда..., стр. 95.

цитадели разрушен. Описывая блестящие виды города со стены цитадели, он добавляет: «И замки и высокопостроенные башни, прочно сложенные, представляющие великолепные жилища, и драгоценные палаты и вообще обстоятельства, свидетельствующие, что были великие и славные цари... опустевшие и разрушенные»[34].

Процесс этот совпадает с общим перемещением экономического, а затем и политического центра города в южные районы. Сюда перемещаются даже дворцы самаркандских правителей, «возведенные наряду с тем дворцом, который находится в цитадели»[35].

В IX—X вв. крупные мастерские керамистов вырастают на пустеющих площадях центрального Афрасиаба, а в XII в. они перемещаются к западу. Динамика освоения этих территорий, как показали работы Г. В. Шишкиной на западных участках Афрасиаба, была очень сложной[36].

С XI в. начинается плотное обживание юго-запада Афрасиаба[37], а центральные и северные районы городища постепенно пустеют. В X и особенно XI—XII вв. осваиваются также пригородные районы к западу от Афрасиаба, вдоль протоков Атчапар и Сиабча. Рельеф здесь был *более пересеченным, а культурные наслоения менее значительны*, чем на Регистане[38]. Подъемный материал представлен глазурованной керамикой с полихромной росписью (по белому фону под бесцветной поливой), а также с коричневой и голубой поливой, характерными для X—XII вв.

Обследовавший эти участки рабада И. А. Сухарев отмечал, что культурные слои здесь откладывались в каком-то водном бассейне и *представлены преимущественно однородной керамикой с сургучно*-красным фоном и изображением стилизованных птичек[39]. Возможно, здесь располагались мастерские гончаров, специализировавшихся на определенных видах керамической посуды.

Наряду с общим перемещением городской жизни на юг и запад, намечается (вероятно, со второй половины XI в.) известный рецидив. Сначала медленно, а в XII — начале XIII в. — бурно оживают вновь северные районы, включая цитадель. Здесь проводится большая перепланировка площадей с засыпкой некоторых, даже крупных зданий, ремонтируется (или скорее расширяется) соборная мечеть, строятся монументальные здания, возможно дворцового типа, протягивается, быть может на месте улицы X в., широкая магистраль, вымощенная рваным сланцем и крупной галькой. К ней подходит мощеная улица, идущая по северному району с запада на восток. Соединяясь у северной стены, они выходили в пригород.

Наиболее интенсивное оживление этого района следует связать с политическими событиями конца XII—начала XIII в., когда власть в городе переходит в руки Караханида Ибрагима ибн Хусейна и осо-

---

[34] Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны...», стр. 14.

[35] Там же, стр. 15.

[36] Г. В. Шишкина. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба. Ташкент, 1969, ркп., архив отдела археологии Института истории и археологии АН УзССР.

[37] М. К. Пачос. Стратиграфический разрез в юго-западной части Афрасиаба. Ташкент, 1969, ркп., архив отдела археологии Института истории и археологии АН УзССР.

[38] Ср. И. А. Сухарев. Дневник археологических работ по расчистке бадрабов (архив Республиканского музея истории культуры и искусств УзССР в г. Самарканде, 1940 г., д. 5776, стр. 6—7), где автор относит этот раскоп к самым густонаселенным участкам рабада.

[39] Там же, стр. 7—9.

бенно его сына Османа ибн Ибрагима, ставшего вассалом хорезмшаха Мухаммада.

Между местным населением и правящей хорезмшахской верхушкой сложились враждебные отношения и, видимо, этим следует объяснить ремонт цитадели и возведение к северу от нее, вплоть до Сиаба, оборонительной стены с башней, служившей дополнительной линией обороны цитадели со стороны города. Одновременно проводится очередной ремонт соборной мечети к западу от цитадели, намечается общее оживление жизни между соборной мечетью и Сиабом на севере.

Раскопки 1968—1970 гг. показали, что наряду с перемещением городской жизни после разгрома Самарканда войсками Чингиз-хана (1220 г.) за пределы бывшего Афрасиаба на последнем еще оставались обжитые участки, в частности в северной зоне городища, вдоль Сиаба, где селились ремесленники, занимавшиеся производством бумаги, прачки и иной бедный люд. Точная характеристика умирающего города на Афрасиабе дана посетившим Самарканд в 30-х годах XIV в. Ибн Батутой: «Город расположен на речке стиральщиков белья, на которой поставлены водоподъемные колеса для орошения садов и насаждений. В городе много великолепных дворцов, крупных зданий, большая часть лежит в развалинах, основная часть города также состоит из развалин»[40].

Основная же городская жизнь перемещается на юг с центром на площади Регистан, где сосредоточиваются ремесленное производство и базары. Сюда же переходит и административный центр города, закрепленный обнесением этой территории в 1371—1372 гг. оборонительной стеной с сооружением в ее западной стороне цитадели Тимура, сделавшего Самарканд столицей своего государства.

Я. Ғ. Ғуломов, Ю. Ф. Буряков

ҚАДИМГИ САМАРҚАНД ТАРИХИ БЎЙИЧА ЯНГИ МАЪЛУМОТЛАР

Мақолада сўнгги йиллардаги археологик қидиришлар натижасида олинган қадимий Самарқанд тарихига оид маълумотлар анализ қилинади ва умумлаштирилади.

[40] Ибн Батута. Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва' аджа'иб ал-асфар, т. II, Стамбул, 1333 г. х., стр. 425—426 (на араб. яз.).

А. АСКАРОВ, Н. ТАШКЕНБАЕВ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ САМАРКАНДА

Самарканд известен не только яркой и сложной многовековой историей городской культуры, но и уникальными памятниками древнейшего прошлого — времени палеолита, мезолита, неолита и бронзы. Археологические исследования послевоенных лет как в самом городе, так и за его пределами показали, что территория, в пределах которой возник Самарканд, с глубоких времен служит местом обитания человека. Самые ранние памятники истории догородской культуры Самарканда относятся к эпохе мустье—времени неандертальцев, следы материальной культуры которых найдены как на территории города, так и за его пределами. Прежде всего это — памятник Аманкутан, в районе перевала Тахта-Карача, у нижнего селения Аманкутан, под Самаркандом. Исследования его[1] показали, что эта типичная карстовая пещера служила жилищем первобытного человека эпохи мустье.

Основными орудиями производства обитателей пещеры были изделия из камня: грубые ножи с заостренными рабочими лезвиями, остроконечники и дисковидные нуклеусы, массивные скребла со слегка изогнутым краем, двухсторонне обработанные орудия листовидной формы и т. д.

О хозяйстве и быте аманкутанцев нам рассказывают очаги — естественные углубления в известковом туфе, заполненные обломками обгорелых костей животных, углями и золой, вокруг которых разбросаны каменные орудия. Судя по костным отбросам, аманкутанские неандертальцы в основном охотились на азиатского муфлона, бурого медведя, марала и иных животных.

Не менее интересен другой памятник позднемустьерского времени — пещера Такаликсай, исследованная также Д. Н. Левом под Самаркандом. В разведочных шурфах на площадке пещеры обнаружены раздробленные кости животных, угольки и несколько каменных изделий. Каменные изделия могут быть отнесены к концу мустьерской эпохи, и следовательно, Такаликсайская пещера была обжита первобытными охотниками намного позже, чем в Аманкутане[2]. Некоторые следы обитания человека неандертальского времени обнаружены и в черте города. Так, на Овражной улице найден кремневый остроконечник мустьерской эпохи[3]. Но наиболее интенсивное заселение территории города проходит в эпоху верхнего палеолита.

---

[1] Д. Н. Лев. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности, Труды СамГУ им. А. Навои, вып. 166, Самарканд, 1967, стр. 101—106.

[2] Там же, стр. 106—107.

[3] А. Аскаров, Д. Н. Лев. Древнейшие следы пребывания человека на территории Самарканда, История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969, стр. 23.

Памятник этого времени был открыт в черте города еще в 1939 г. и изучается с 1958г. археологической экспедицией СамГУ и Института истории и археологии АН УзССР[4]. В результате широкого исследования Самаркандской верхнепалеолитической стоянки обнаружено огромное количество археологических материалов — комплекс каменных орудий труда, костей ископаемых животных и останков первобытного человека, жившего более 300 тыс. лет назад[5].

Каменная индустрия Самаркандской верхнепалеолитической стоянки разнообразна, причем особое внимание привлекают выразительные ножевидные пластины, чаще всего двухсторонне обработанные отжимной техникой, имеющие удлиненную форму, иногда с выемками в одной из боковых сторон — прототип аналогичных кремневых пластинок эпохи неолита из кельтеминарского круга памятников Средней Азии.

Большую серию составляют скребки и нуклеусы, острия и остроконечные орудия, отбойники и топоры из различных пород камня. Довольно значительными сериями представлены отщепы и полуфабрикаты для изготовления многих видов орудий, «наковальни» различных размеров и т. д.

На примере каменных орудий Самаркандской верхнепалеолитической стоянки демонстрируется высокая техника отжимной ретуши среднеазиатского палеолита. Представленные в многообразии орудия труда предназначались для раскройки и обработки шкур животных, выделки костяных орудий, строгания деревянных предметов, резания мяса, использовались в строительстве жилищ, рыбной ловле, охоте и т. д.

Территория Самарканда уже в глубокой древности служила объектом интенсивного заселения. Об этом свидетельствуют находки, сделанные на улицах Овражной, Войкова, Дагбитской, где обнаружены прекрасный кремневый остроконечник мустьерского облика, многочисленные отщепы, аналогичные отщепам Самаркандской стоянки, скребло из отщепа зеленой кремневой гальки и т. д.

Наибольший интерес представляют находки, обнаруженные летом 1969 г. в черте города, в пунктах правого и левого берегов речки Сиабча. Сотрудник Афрасиабской комплексной археологической экспедиции У. Алимов нашел близ кирпичного завода, на левом берегу древнего русла Сиабча, несколько ножевидных пластин и концевых скребков, ретушированных отжимной техникой, и много отщепов со следами частичной ретуши. Как выяснилось при повторном осмотре места находок, эти предметы оказались в куче песка, сдвинутого к обрыву бульдозером. Здесь обнаружены нуклеусы и их обломки, отщепы, пластины и их фрагменты, концевые и боковые скребки, резцы, острия и др.

В первые же дни изучения района для выяснения стратиграфии памятника был произведен вертикальный срез южного склона холма, где на глубине до 3,80 *м* от дневной поверхности прослежен насыпной песок, на глубине 4,10 *м*, по правой стороне разреза, найден прекрасный остроконечник из кремня темно-зеленого цвета (длина — 4,8 *см*, максимальная ширина — 2,4 *см*, толщина — 1,2 *см*). Ударная площадка грубо фасетирована и находится под углом 90° к отбивной поверхности.

Указанный разрез был продолжен от края обрыва до современного уровня Сиабча. Разрез был расширен на 0,5 *м* (т. е. 1,5×1,5 *м*) и

[4] История Самарканда, т. I, стр. 22—27.
[5] Д. Н. Лев. Палеолит Самаркандской области..., стр. 107—127.

углублен вниз еще на 2 *м*, где встречены фрагменты пластинок. С края обрыва срез был углублен до 6 *м*, причем ниже 5 *м* от поверхности обнажился песчаный слой какого-то протока или родника.

На исследуемой территории заложено несколько шурфов (№ 1 и 4 — на северо-восточном, № 2 и 3 — на юго-западном участке). Недалеко от первого найден нуклеус высокой формы (6,6×5,2×4,5 *см*), а сам шурф оказался пустым. В шурфе № 2 (2×1,5 *м*), в слое на глубине более 2 *м* найдено одно скребущее орудие и два скобеля. Шурф № 3 (2×2 *м*), заложенный на отдельном уступе холма, дал значительное количество каменных орудий: обломки пластин, скребок, отщепы и др. Шурф № 4 (1,5×1,5 *м*) менее богат материалами, встречаемые здесь каменные изделия также находятся в слое наносного песка. Напластования шурфов в основном состоят из песчаных слоев, иногда разделяемых мелкими обломками щебня.

Образцы керамики V в. до н. э., выявленные при археологических раскопках на территории Самарканда.

Исследуемый объект имеет своеобразный рельеф и геологическую структуру. Все найденные кремневые изделия находились в песчаных линзах. По предварительному определению, слой, где были обнаружены каменные орудия первобытного человека, по геологическому времени относится к Ташкентскому ярусу — Q_2 с вклинением в Голодностепскую Q_3. Геолог-четвертичник В. Л. Семенов полагает, что уровень реки, «блуждая», образовал нанос песка с некоторыми кремневыми изделиями, принесенными откуда-то извне. И этому не противоречит расположение верхнепалеолитической стоянки несколько выше по древнему руслу Сиабча.

Во время разведочных работ 1969 г. поиски следов обитания первобытного человека велись и за пределами Самарканда. Одним из важных результатов разведок 1969 г. явилось открытие верхнепалеолитической стоянки[6] у подножья горы на территории селения Ходжамазгил Новороссийского зерносовхоза Булунгурского района. Здесь из трещины гранитного выхода большим дебитом идет прозрачная вода, прорывшая себе мелкое русло по склону горы через селение, откуда она идет на орошение полей. Несомненно, эта местность на протяжении многих веков была ареалом пребывания первобытного человека, следы обитания которого прекрасно сохранились вокруг родника, ниже по руслу сая и даже на участках ближайших к роднику дворов рабочих совхоза. На площади свыше 3 *га* собрано большое количество каменных изделий, разновидностей скребков, нуклеусов, отщепов, ножевидных пластин из галечника — белого, серого, зеленого, коричневого, темного цвета.

Значительной серией представлены небольшие нуклеусы поддисковидной формы, одноплощадочные призматические нуклеусы со снятием тонких пластин, нуклеусы в виде конуса, а также скребочки—боковые,

[6] В работах отряда, кроме авторов этих строк, принимали участие мл. н. с. Р. Равшанов и др.

концевые, округлые, чаще всего на отщепах. Распределение их по пунктам наибольшего скопления дает следующую картину.

Пункт № 1 — южнее родника, ближе к селению Ходжамазгил: собрано около 50 кремневых изделий, среди которых много выразительных отщепов с хорошо сохранившейся спинкой и ударной площадкой, а также отщепы первичной стадии отщепления. Имеются обломки нуклеусов, заготовки со вторичной обработкой. Каменные предметы здесь значительно меньше по размерам, чем на других пунктах. Особо отметим хорошую пластиночку из светло-коричневого прозрачного кремня, напоминающую острие леваллуа, и два скобеля.

Пункт № 2 — рядом с родником; собрано более 40 предметов из кремня, среди которых нуклеусы и нуклевидные обломки, отщепы, обломки пластины с равномерной ретушью по двум продольным краям.

Пункт № 3 — восточнее родника, у подъема в гору; собрано около 20 кремневых изделий с ярко выраженной вторичной обработкой. Среди них отметим дисковидный нуклеус из зеленого кремня с радиальными сколами на выпуклой стороне. Размеры его 30×26×10 *мм*. Другая выразительная находка этого пункта — треугольный отщеп из кремня беловато-фиолетового цвета, со следами частичной ретуши. Найдено также орудие с боковой выемкой, размерами 4,5×2,4×1,5 *см*.

Пункт № 4 — восточная и южная часть искусственного водоема; собрано 23 кремневых изделия. Среди них 12 экз. из галечника, размерами от 1,5×1,6×1,5 до 4,6×4,0×1,5 *см*. Остальную часть составляют отщепы и их обломки, а также обломки нуклеусов, бесформенные осколки кремня и т. д.

Пункт № 5 — на северной части водоема; собрано более 20 кремневых изделий, среди которых выразительное нуклевидное орудие, выполнявшее функцию скребка, а также отщепы и пластины со следами ретуши. Самым интересным оказался материал, обнаруженный в шурфе на берегу искусственного водоема. От дневной поверхности до глубины 3 *м* здесь идет насыпной грунт, ниже прослеживается непотревоженный слой с находками. В нем на глубине 3, 60 *м* найден прекрасный кремневый нож удлиненной формы, выемчатый, двухсторонне обработанный по рабочим краям отжимной техникой. Изделие покрыто патиной светло-фиолетового цвета. Обнаружено также два обломка пластины из такого же кремня в слое темного цвета с угольками.

Пункт № 6 — с западной части искусственного водоема и далее по течению родникового арыка; собрано 40 кремневых изделий, среди которых больше половины имеют форму законченных орудий труда. К их числу относятся чопперовидное орудие (6,8×4,6×3,0 *см*) из кремнистой породы, два нуклеуса с параллельными фасетками снятий, в противоположных друг другу направлениях, интересное долотовидное орудие из кремневой гальки зеленого цвета. Много отщепов и пластин. Среди орудий 2 скребка и два скобеля. Обнаружено также два орудия с выемчатой ретушью. Одно из них сделано на крупном отщепе (3,6×4,2×1,2 *см*) из фиолетового кремня, второе — на пластине (4,2×2,2×1,2 *см*), подвергнутой с обоих продольных краев выемчатой ретуши. Орудия имеют лезвия скоблящих инструментов. На одном крае применена многофасеточная, на другом — однофасеточная ретушь.

Таким образом, предварительное обследование стоянки у сел. Ходжамазгил дало интересные материалы, находящие близкие параллели в комплексах Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, что позволяет ориентировочно датировать памятник поздним этапом верхнего палеолита.

Для изучения неолита на территории Самарканда некоторые материалы дали стоянки у сел. Сазаган и Тим. Наиболее выразителен материал из стоянки Сазаган, под Самаркандом[7]. Здесь с поверхности и при шурфовках собрано около 600 кремневых изделий микролитического характера — концевые, округлые и боковые скребки, микропластинки с тщательной отжимной ретушью, проколки, отщепы со следами ретуши, одноплощадочные нуклеусы со следами снятия тонких пластин, двухсторонне обработанные кремневые наконечники стрел, относящиеся к развитому неолиту (4—3 тыс. до н. э.). Они напоминают орудия из неолитических стоянок низовьев Зарафшана, что указывает на существование связи между населением района Самарканда и западной части Древнебухарского оазиса[8].

Памятники следующего периода — эпохи бронзы — известны пока в двух пунктах. Первый — стоянка, открытая еще в 1959 г. в Навкатепе, близ Каттакургана. Археологический материал здесь довольно беден — это обломки плоскодонных горшков, нарядно украшенных горизонтальными «елками» по горлу сосуда и рядами мелких треугольников, разделенных параллельными линиями по плечику горшка, что характерно для памятников раннего этапа степной бронзы, так называемой андроновской культуры[9].

Другой памятник эпохи бронзы — могильник исследован в сел. Муминабад, под Самаркандом. Открыл его в 1964 г. рабочий винсовхоза «Ургут» М. Ташев, а исследовали Д. Н. Лев и затем А. А. Аскаров. Все пять захоронений этого могильника представляли грунтовые ямы со скорченными скелетами на боку, головой на запад. При них найдено много вещей[10], в том числе глиняные сосуды и их обломки, украшенные орнаментом в виде равнобедренных треугольников, ряда косых и коротких насечек, горизонтально расположенных зигзагов или ломаных линий, нанесенных гладким штампом, а также обломки зернотерок. Наибольший интерес представляют украшения погребенных: ожерелье из мелких литых бус, позолоченные серебряные височные кольца, бронзовые и золотые серьги с широким раструбом, имеющие в одном конце бубенчик, браслеты из кованой бронзовой полоски с желобчатой выпукло-вогнутой поверхностью, небольшие бронзовые зеркала с петелькой в центре и т. д.

Расположение этих украшений в могильных ямах указывает, что захоронения производились в одежде, которую покойник, видимо, носил при жизни.

Облик всего археологического комплекса, как и обряд захоронения могильника Муминабад, свидетельствуют о принадлежности его к памятникам степной бронзы последней четверти II тыс. до н. э. Типологический анализ археологических материалов из стоянки Навкатепа и могильника Муминабад показывает, что древнейшее население Самарканда поддерживало экономические и культурные связи с населением других районов Средней Азии, степей Казахстана и Южной Сибири. Исследование краниологического материала могильника указывает на

---

[7] А. А. Аскаров, Д. Н. Лев. Первобытная культура города, История СССР, 1970, № 1 стр. 144.

[8] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966, стр. 30—72, 99—112.

[9] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Указ соч., стр. 217, рис. 55; А. А. Аскаров, Д. Н. Лев. Первобытная культура города, стр. 144.

[10] Д. Н. Лев. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда, КСИА АН СССР, вып. 108, М., 1966, стр. 91—95; А. Аскаров. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде, История материальной культуры Узбекистана, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 56—62.

генетическую связь представленного здесь антропологического типа с более древним населением Средней Азии[11].

Эти первые находки памятников древнейшего прошлого Самарканда дали ценнейший материал к характеристике населения данного района и его жизни в период до возникновения и развития здесь городской культуры.

А. Асқаров, Н. Тошкенбоев

САМАРҚАНДНИНГ ЭНГ ҚАДИМИЙ ЎТМИШИ

Мақолада энг янги археологик қазишма материаллари асосида палеолит, мезолит, неолит ва бронза замонларидаги Самарқанднинг шаҳар бўлгунчалик маданияти характерланади. Бунинг ажойиб ёдгорликлари шаҳарнинг ўзидан, шунингдек, унинг ён-атрофларидан топилган.

[11] А. Аскаров. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде, КСИА АН СССР, № 122, М., 1970, стр. 65—66.

При реконструкции выполнено 22,5 тыс. $м^3$ земляных работ, в тело плотины и других сооружений уложено свыше 17 тыс. $м^3$ бетона и железобетона, более 600 $т$ стальных и чугунных плит и металлоконструкций. На работах использовалась мощная современная техника — тракторы, бульдозеры, автокраны, экскаваторы и др.

Реконструкция плотины позволила оросить 52 тыс. $га$ новых земель, улучшить водоснабжение староорошаемых площадей, избавиться от тяжелых работ по водозабору и водораспределению в каналах Даргом, Казан, Янги, Ильпак, Рахмат-Абад, Тюя-Тартар, Булунгур и т. д.

Все это повысило народнохозяйственное значение Раватходжинской плотины в орошении Самаркандского оазиса — одного из важнейших экономических районов УзССР.

М. Тагиев

ИЗ ИСТОРИИ САМАРКАНДА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

В 20—40-х годах XVIII в. в результате феодальных усобиц, нашествия кочевников и иранских захватчиков Самарканд, как известно, пришел в полный упадок и запустение. Лишь со второй половины XVIII в. начинается восстановление города, ремонт и расширение ирригационных сооружений. К началу XIX в. жизнь в Самарканде входит в нормальное русло и город начинает расти, расширяясь к югу и юго-западу.

Постепенно развивались торговля, ремесло и культура, причем источники свидетельствуют о концентрации торгово-ремесленных заведений в руках феодалов, которые занимались и ростовщичеством.

До образования 24 новых гузаров (кварталов) в 60-е годы XVIII в. в Самарканде насчитывалось около 10 тыс. жителей. Основными гузарами города были Факи-Абулайе (IX—XI вв.), Джакардиза, или Чакардиза (X—XI вв.), Новадон (X—XI вв.), Гатифар (X—XI вв.), Сузангарон (XII в.), Дари-Занжир (конец XIV в.), Махтуми-Хоразм (XV в.), Мирзо-Пулот (XV в.), Кази-Калон (XV в.), Корабой-оксакол (XV в.), Зингарон (XV в.), Кош-Хауз (XV в.), Ходжа-Зудмурод (XV в.), Ходжа Юсуф (XV в.). Кроме гузаров Новадон и Гатифар, все они продолжали существовать до начала XX в., причем на месте гузара Сузангарон возникло несколько новых кварталов.

По приказу Шах-Мурада, в 70—80-х годах XVIII в. началось насильственное переселение в Самарканд жителей других городов Средней Азии, и в бывшем Сиабском районе возникло 24 новых гузара: Заамини, Ямини, Куль-Тенаги, Ялангбек, Каварзор, Урметани, Имом-Восе, Муборак, Кул-Обод, Дахбеди, Ходжанди, Кашкари, Шайх-ул-Ислом, Ходжа Латиф, Маддохи, *Хавоси I*, *Хавоси II*, Каландар-хона, Ургути, Шахрисабзи, Тошканди I (Абул-Касим), Тошканди II (Ариф Джамбай), Тошканди III (Фони), Тошканди IV (Баланд-Купрук), которые просуществовали до начала XX в.

Каждый гузар имел свою мечеть и хаузы — основной источник питьевой воды.

Переселенцы из Ташкента были размещены главным образом в Сузангаранской части, из Ферганской долины — в Хайрабадской, из Заамина, Ургута, Шахрисабза и других мест — в Каландар-хонинской части.

Этнический состав населения Самарканда был весьма пестрым. В городе жили узбеки, таджики, каракалпаки, иранцы, арабы, индусы, дунгане, уйгуры, евреи, армяне, местные цыгане (люли) и др. В окрестностях Самарканда обитали казахи, поселившиеся здесь еще в 20-е годы XVIII в.

Число гузаров быстро росло, и в состав города вошла Ходжа-Ахрарская часть (на юго-западе). Всего к началу XIX в. в Самарканде насчитывалось 96 гузаров, в том числе: в Каландар-хонинской части — 20 (из них 7 возникли в X—XV вв., 8 — в конце XVIII в. и 5 — в начале XIX в.), в Хайрабадской — 20 (из них 3 возникли в X—XV вв., 8 — в конце XVIII в. и 9 — в начале XIX в.), в Сузангаранской — 25 (из них 7 возникли в конце XVIII в. и 18 — в начале XIX в.), в Ходжа-Ахрарской — 31 (из них 2 — в X—XV вв., остальные — в начале XIX в.). В начале XIX в. возникло 63 гузара: Ямини II, Шарбатдор, Чанговли, Шох-Каш, Кози-Гафур, Обимашхад, Боги-Майдон I, Боги-Майдон II, Боги-Майдон III, Таги-Шур, Кок-Мачит, Юсуф-бой, Суфи-Розик, Янги-Хайрабод, Ходжа-жонходжа, Хаузи-Баланд, Мулиен I, Мулиен II, Мулиен III, Кафтар-хона, Раджаб-Амин, Кози-Абдирасул, Иброгим-Ходжа, Хонако, Мадрасаи Сафед, Ходжа Нисбатдар, Ургути I, Каболан I, Каболан II, Намозгох I, Намозгох II, Пули-мирзо, Бустона-хон, Мотриди, Ходжа-кишлок, Курганча, Лаби-гор, Булбулак, Эски-Камандар-хона, Пули-сафед, Кулолон, Дегча-бирьен, Рухобот, Гур-Эмир, Хон-Саид-имом, Луччакон, Вай-сул-Кара, Юсуф-Харрот, Амушмухаммад, Кулба I, Кулба II, Данишербек, Мулокаландар I, Мулокаландар II, Чакар, Тали-Регак I, Тали-Регак II, Тали-Регак III, Нуробод, Лолазор I, Лолазор II, Лолазор III.

Микротопонимика Самарканда конца XVIII—начала XIX в. ярко отражала историю города. Названия гузаров были прежде всего тесно связаны с жизнью и деятельностью ремесленников: Заргарон (золотых дел мастера), Сузангарон (мастера, делающие иголки), Чармгарон (кожевники), Харротон (токари по дереву), Кулолон (горшечники), Зингарон (мастера по

изготовлению конской сбруи), Шарбатдор (мастера, изготовляющие сладкие напитки) и др.

Микротопонимика Самарканда свидетельствовала и о заселении его жителями окрестностей и других городов Средней Азии: Ташкенти, Ходженти, Ургути, Заамини, Шахрисябзи, Урмитани, Кашкари и т. д.

Названия гузаров были связаны также с архитектурными памятниками города, как: Рухабад, Гур-Эмир, Ак-Сарай, Намазгах, Кок-Мачит, Хонако, Мадрасаи Сафед; обозначали топографическое строение города: Лаби-гор, Чакар, Кулба, Тали-Регак, Баланд-Купрук, Боги-Баланд, Каболан-Якум, Каболан-Дуввум, Пули-мирзо, Гилбурч; содержали ботанические названия: Каварзор, Лолазор; названия ирригационных сооружений, источников воды: ручьев — Новадон, Обимашад, Донирбек, Кулобод, искусственных водоемов — Кушхуз, Хауз-и-баланд; имена известных ученых Самарканда: Факи-Абуллайс, Махтуми Хоразми и др.

По справедливому замечанию В. А. Никонова, «микротопонимия... представляет для исследования как бы естественно топонимическую лабораторию. Для такой научной отрасли, в которой невозможен научный эксперимент, это счастливый дар»[1].

Изучение микротопонимики Самарканда приобретает еще большее значение в связи с подготовкой к 2500-летнему юбилею *Самарканда и осуществлением генерального* плана благоустройства города, в ходе которого сносятся старые строения и целые кварталы и возникают новые микрорайоны.

В первой половине XIX в. административным центром была крепость (арк), центром политической жизни — площадь Регистан, а торговой — Чорсу. Наиболее оживленной частью Самарканда была улица между мечетью Биби-Ханум и Чорсу. В это время четверо из шести ворот города получили новые наименования: ворота Корезкох стали именоваться Ходжа-Ахрарскими, Фируза — Каландар-хана, Ахани — Хазрет-и-Шах-и-Зинда, Хайрабад—Пайкабак. Остальные ворота сохранили прежние названия: Бухарские и Сузангаранские.

Большинство переселенцев, размещенных в новых 24 гузарах Самарканда в конце XVIII в., были ремесленниками, а окрестности Самарканда были заселены земледельцами. В результате значительно расширились населенные пункты — Ургут, Дагбит, Янгикурган, неузнаваемо вырос Каттакурган[2].

В первой половине XIX в. происходит дальнейший рост внутренней и внешней торговли, о чем свидетельствует рост числа караван-сараев и лавок. Через Самарканд пролегали важные торговые пути, шел оживленный товарообмен с другими районами Средней Азии, Афганистаном, Ираном, Индией, Китаем, Россией.

Среднеазиатские купцы везли на Волгу, в Сибирь главным образом хлопчатобумажные ткани, а также сшитые из них изделия, луки, ковры, бумагу хлопчатую, сушеные фрукты, ревень, краски, драгоценные камни[3].

Среди товаров, экспортируемых из Самарканда, особенно славилась бумага. В «Азиатском вестнике», издававшемся *Спасским в начале XIX в., о Самарканде* времени правления Шах-Мурада говорится: «Мианкальская бумага преимущественно к нам привозится, равно как и Самаркандская среднего сорта, стоит на месте от 45 до 55 рублей, а по доставлении сюда (в Оренбург. — *М. А.*) около 80 рублей (*за пуд. — М. А.*). Низкие же сорта бумаги, называемые теандар и мездевон, продаются на месте от 40 до 45, а здесь от 60 до 70 рублей».

В конце XVIII—начале XIX в. в Самарканде усиливается влияние клерикальных элементов, а вместе с тем растет и число религиозных учреждений. Недаром юго-восточная часть города, занятая дервишами, называлась Каландар-хона. В конце XVIII в. в Самарканде насчитывалось около 20 тыс. жителей и действовало более 50 мечетей, большинство которых было построено именно в то время. Кроме того, действовали шесть медресе — Улугбека, Ширдор, Тилля-Кори, Сафед, Шейбанихан, Надир-Диван-беги (Ходжа Ахрар), где обучалось около 300 человек из Самарканда *и других городов*.

Эмир Шах-Мурад (1785—1800) всячески покровительствовал духовенству, и по его указаниям были отремонтированы, восстановлены или перестроены медресе Ходжа-Ахрар, или Мадраса-и Сафед (Белая мадраса), *медресе Шейбани-хана, Улугбека*[4] и др.

Значительным сооружением гражданского типа было Чорсу, построенное в 90-х годах XVIII в. у северо-восточного угла медресе Ширдор, в центральной части города. В плане оно представляет собой шестигранное помещение с высоким куполом в центре и радиально расходящимися от

[1] В. А. Никонов. Введение в топонимику, М., 1965, стр. 47.

[2] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, М., 1958, стр. 121.

[3] Х. Зияев. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI—XIX вв.), Ташкент, 1964, стр. 32.

[4] Н. П. Остроумов. Народное образование, мадрасы в Туркестанском крае, Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, VII, 1907, отд. 3, *СПб., 1907, стр. 4—7*; М. Е. Массон. Регистан и его медресе, изд. 2, Самарканд, 1929, стр. 25; О. Д. Чехович. Из источников по истории Самарканда XV в., в кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 360.

всего шестью коридорами-проходами[5], по числу городских ворот: Бухарские, Кореских, Сузангаран, Фируза, Ахани, Хайрабад.

Чорсу служил центральным рынком, главным образом по продаже головных уборов. Отсюда в народе оно называется также «Чор-су-и тильпак-фуруша».

Площадь Чорсу — 786,5 (28,5×28,5) *м*², ширина стен — 150 *см*, ширина улиц внутри шести коридоров — 4,4 *м*, высота шести маленьких куполов (над шестью помещениями) — 8 *м*, высота большого центрального купола (Миён-сарай) — 14 *м*. Шесть трехугольных внутренних помещений имеют по два входа. Здесь были сосредоточены наиболее ценные товары. Это монументальное сооружение ярко свидетельствует об активной деловой, гражданской жизни Самарканда того времени.

В настоящее время ведутся большие ремонтно-реставрационные работы по восстановлению здания Чорсу.

В 1812—1813 гг. в ансамбле Шах-и-Зинда были построены: слева от входа — мечеть, справа — группа служебных помещений и маленькое медресе, сооруженное правителем Самарканда Давлятбием Кушбеги. В 1814 г. были изготовлены и навешаны прекрасные резные створки двух наружных дверей главного фасада медресе Улугбека. В 1909 г. они были заменены другими. Две их створки с датой изготовления хранятся с 1923 г. в Самаркандском музее. Ремонт медресе продолжался еще в 1817 г., о чем свидетельствует дата, вырезанная на алебастровой штукатурке верхней части главного портала.

Случившееся в 1817/18 г. большое землетрясение тяжело отразилось на минарете медресе Улугбека, разрушило в Тилля-Кори накренившийся главный портал, верхняя часть которого была выведена заново, но уже без изразцовой облицовки[6].

В конце XVIII — первой половине XIX в. в Самарканде было построено и отремонтировано множество жилых домов, квартальных мечетей, лавок, мастерских, причем перемещенное в Самарканд пришлое население принесло свои приемы и градостроительные традиции. Поэтому в созданных в конце XVIII в. 24 новых гузарах наряду со зданиями местного, самаркандского архитектурного стиля появились новые типы жилищ: бухарские, хивинские, ташкентские, ферганские и др. Среди переселенцев были известные мастера-строители — Уста-Юсуф из кишлака Культепа (близ Ура-Тюбе) и его потомки (Уста Мухаммад Расул ганчкор, Уста Гафур гилькор, Уста Абдухаким гинткор и др.[7]. Они образовали квартал Куль-тепа (ныне ул. Бухарская) и создали свою архитектурную школу, представителями которой построено немало зданий различного назначения.

По свидетельству Мир-Иззет-уллы, посетившего Самарканд в 1813 г., «...город с каждым днем все более развивается... В каждом крыле этого здания (Чорсу) расположены лавки... Климат приятный, в каналах течет прозрачная вода, чистый воздух свеж и приятен... Большинство людей покупают хлеб на базаре, где он всегда в неограниченном количестве и славится своими достоинствами»[8].

В описании Н. В. Ханыкова, к 1841 г. Самарканд был окружен высокими глиняными стенами с бойницами, башнями и шестью воротами, запиравшимися на ночь. Окружность городских стен составляла 13,9 *км*, а общая площадь — 10,4 *км*². В городе было много садов, арыков и хаузов, несколько караван-сараев и бань. Семь улиц вливались в большие базарные магистрали, соединявшиеся с площадью Регистан и центром торговой жизни — Чорсу. В Самарканде проживало тогда около 30 тыс. человек.

Таким образом, в конце XVIII—начале XIX в. в Самарканде вновь закипела городская жизнь, и он по праву считался вторым важнейшим торгово-ремесленным центром Бухарского ханства.

М. М. Абрамов

[5] М. Е. Массон. Регистан и его медресе, стр. 25.

[6] В 1969 г. главный портал медресе Тилля-Кори был разобран и в настоящее время строится заново для восстановления в первоначальном виде.

[7] А. М. Захидов. Некоторые сведения о народных зодчих Самаркандской архитектурной школы XIX—XX вв., в кн.: «Искусство зодчих Узбекистана», т. 3, Ташкент, 1965, стр. 140.

[8] См. Ю А. Соколов. Бухара, Самарканд в 1813 г. Публикация отрывка из «Путешествия Мир-Иззет-Уллы в Среднюю Азию в 1812—1813 гг., Труды САГУ им. В. И. Ленина. Новая серия, вып. XC. Исторические науки, кн. XIV, Ташкент, 1957, стр. 195—196.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ САМАРКАНДСКИХ ТКАНЕЙ КОНЦА XV—XVI ВЕКА

Ткачество издревле играло ведущую роль в экономике среднеазиатских государств. Однако до нас дошло очень мало образцов местных средневековых тканей, да и то в основном в плохой сохранности. Поэтому большой интерес вызывают данные различных письменных источников, в которых встречаются наименования и описания тканей, названия лавок-мастерских и специализированных торговых рядов на базарах (в Самарканде известны были, например, базары Лаввафон, Баззазон, Алоча).

Особую ценность представляют цеховые уставы — рисола, в которых нашли отражение технические приемы производства и отделки тканей. Среди них следует выделить малоизвестные в литературе рисола читгаров на узбекском и таджикско-персидском языках[1]. По ним мы можем познакомиться с техникой производства набивной ткани, наименованиями красителей, несложного оборудования мастерских и инструментов мастера-читгара.

Данные рисола, как и многие другие, дошли до нас в более поздней редакции. Однако ряд обстоятельств, в частности тот факт, что на самаркандских рынках XVI в. обращались разные сорта ткани чит, упоминание мастера-читгара, проживавшего в Самарканде в 1589 г.[2], доводы исследователей о возникновении среднеазиатских рисола не позднее XIV—XV вв.[3], позволяют считать, что содержание упомянутых рисола в какой-то мере отражает технику производства тканей XV—XVI вв.

Интересным источником являются и рисола ткачей (сохранившиеся в нескольких вариантах на узбекском и таджикско-персидском языках), где мы находим, в частности, наименования ткацких инструментов[4].

Ведущее место в ткацком производстве занимала выработка из местного хлопка разнообразных бумажных тканей. Наиболее распространенной хлопчатобумажной тканью был карбос, известный у тюркоязычной части населения как боз[5]. Под этим же наименованием он встречается и в русских документах конца XVI—XVII в., касающихся ввоза текстильных изделий из Средней Азии. В упомянутых рисола ткань, на которую должны были нанести узор, называется карбос (в рисола на таджикском языке) и боз (в узбекском тексте), а после обработки ткань в обоих рисола определяется как «чит».

Простая, прочная и греющая бязь (боз, карбос) была дешевой, практичной и пользовалась широким спросом во многих странах, в том числе на Руси.

Согласно «Рисола-и читгари», в результате крашения получали бязь восьми цветов — желтого, зеленого, синего, черного и др.[6] Большим спросом пользовалась у трудового населения бязь темно-синего цвета, выглядевшая весьма нарядной.

С помощью специальных штампов (кальбов) набойщики создавали яркие ткани с узорами разных расцветок: семицветный, красный шахри и др.[7].

Как видно из рисола читгаров, они сами готовили растворы красок для набивания бязи, используя при этом марену, окись железа, чернильные орешки — бузгундж, поташ[8].

Чит, как и другие ткани, обычно изготовляли и продавали в купонах, но могли реализовать и метражно[9].

Из документов мы узнаем и цены на разные сорта ткани чит в конце XVI в. Согласно казийскому решению от 1589 г., купон чита семицветного парбанд длиной 12 гязов и шириной 1 гяз гязем мукассар стоил 3 танга; по документу 1590 г., купон разноцветного чита длиной 12 гязов и шириной 1 гяз гязем мукассар без одного гереха оценивался также в 3 танга[10].

По определению В. Клейна, занимавшегося анализом тканей, набойка — это хлопчатобумажная материя — миткаль, на которую нанесен узор[11], а из рисола читгаров мы узнаем, что бязь с набитыми на нее с помощью штампа узорами называлась чит[12].

Судя по документам[13], «чит» в Средней Азии и «ситец» в России XVII в. означали одну и ту же ткань. Это позволяет задуматься о правильности высказываний о западном происхождении (немецком или голландском) слова «ситец»[14], а также считать, что термины «чит», «ситец», «набойка» применялись тогда к одной и той же ткани.

Из других тканей большой товарностью отличалась алоча, производство которой было широко развито и в Самарканде, где, согласно документам, работали алочабофы, а рядом с мучным базаром и базаром одежды находился базар Алоча[15].

---

[1] Рисола-и читгар, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900 (8), на узб. яз.; Рисола-и читгари, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5003.

[2] Казийские документы XVI века, Ташкент, 1937, док. № 52.

[3] См. Э. Дарский. Среднеазиатский устав цеха живописцев, Проблемы востоковедения, 1959, № 3, стр. 108—109.

[4] Бофандалик рисоласи, ркп. ЛО ИВ АН СССР, *В-1900 (8), на узб. яз.; Рисола-и бофандаги*, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900(12), на перс.-тадж. яз.; Рисола-и бофандагон, ркп. ЛО ИВ АН СССР, № В-2036, на перс.-тадж. яз.; Рисола-и бофандачилик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900(29), на узб. яз.

[5] См., напр.: Алишер Навои. Махбуб ал-кулуб, сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948, стр. 141; Бофандалик рисоласи, ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № В-1900(8), л. 8б, и др.

[6] Рисола-и читгар, строка 56.

[7] Казийские документы XVI века, док. № 54, 57, 58.

[8] Рисола-и читгари, л. 19а, 19б.

[9] Казийские документы XVI века, док. № 57.

[10] Там же, док. № 54, 57, 58.

[11] В. Клейн. *Иноземные ткани*, бытовавшие в России до XVII века и их терминология, Сборник Оружейной палаты, М., 1925, стр. 70.

[12] Рисола- и читгари, л. 19б; Рисола-и читгар, строка 99.

[13] МИУТТ, ч. I, Л., 1932, текст, стр. 427; перевод, стр. 168.

[14] В. Даль. Толковый словарь, т. IV, стр. 188; БСЭ, 2-е изд., т. 39, стр. 40.

[15] ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10484; Казийские документы XVI века, до. № 34.

Алоча вырабатывалась из высококачественной тонкой и ровной пряжи, а само название ткани происходит от ало — «шерстяной», и потому в России она была известна как «шестрядь».

По рисола о ткачестве («Бофандалик рисоласи» и «Рисола-и бофандачилик»), составленным на узбекском языке, основателем искусства выделки алочи считается Шейх Наджмиддин Кубра[16].

Из шелка, хлопка, шерсти самаркандские мастера вырабатывали различные ткани и готовые изделия — чалмы, покрывала на голову, полотенца, всякого рода кушаки, определяемые одним термином — «фута». Некоторые из них имели отдельные наименования.

В описях текстильных изделий, ввозимых в Россию из Средней Азии, одно из важных мест занимает «зендень» (занданечи). Ткани «зендень» различались по расцветке, ширине и другим качествам и соответственно назывались «бурмети», «широкие бухарские»[17], «красные», «чаровые», «цветные чаровые», «семенди всяким цветом», «дюменди цветные» и др.

Под названием «зендень» понимались, как видим, разные ткани[18]. Кстати сказать, по В. В. Бартольду, слово «семенди» «оставалось необъясненным» и ему пытались приписать происхождение от названия какой-то местности. В действительности же это искаженное таджикское «себанди», которое, как и «дубанд», отражает качество ткани в зависимости от выделки ее способом перевязки.

Термины «себанд» и «дубанд» позволяют считать, что в Средней Азии XVII в. и, вероятно, в предыдущее столетие, изготовлялись ткани, выполненные способом перевязки. Эти и некоторые другие ткани были известны в России XVII в. как «зендень».

Среди феодальных слоев пользовались спросом парчевые, атласные ткани и особенно знаменитый самаркандский бархат кармизи, которые представляют предмет специального исследования.

Наглядное представление о тканях и одежде исследуемого периода можно получить по многочисленным миниатюрам, украшающим рукописи того времени.

Таким образом, письменные источники содержат ценный материал по истории текстильного производства в средневековой Средней Азии, крупным ремесленным центром которой был Самарканд.

Р. Г. Мукминова

[16] Бофандалик рисоласи, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900(8), л. 5б; Рисола- и бофандачилик, ркп. ЛО ИВ АН СССР, В-1900(29), л. 8а.

[17] Под словом «бухарские» в XVII в. могли подразумеваться изделия различных городов Бухарского ханства, в том числе и Самарканда.

[18] В. В. Бартольд. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 443.

ДРЕВНЕЙШАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СТЕНА САМАРКАНДА

Выяснение времени возникновения, размеров и характера оборонительных сооружений Самарканда осложняется многими объективными причинами, особенно многовековой строительной деятельностью, уничтожавшей сооружения предшествовавших эпох. Поэтому нередко приходится делать выводы на основании слабых остатков древних стен, что не всегда и не для всех убедительно.

В. А. Шишкин еще в 1963 г. писал: «Древние стены.... могли быть начисто срыты, как начисто уничтожен культурный слой к северу от цитадели, но все же какие-то следы и остатки их должны были бы сохраниться. В ряде случаев стены (простые земляные валы) могли не содержать никаких культурных остатков и быть очень похожими на «материк»[1]. Было высказано предположение и об искусственном происхождении «материкового» останца под стеной на западном фасе городища[2].

Эти соображения требовали проверки, возможность которой представилась в результате работ 1969—1970 гг. на северном краю городища (квадрат 41/XVI)[3]. Здесь в большой промоине на склоне, обращенном в сторону Сиаба, осенью 1968 г. был начат шурф-разрез длиной 20 *м* и шириной 2 *м*. В ходе работ разрез был расширен еще на 2 *м*, что также оказалось недостаточным, ибо в процессе работ выявилась мощность культурных слоев до 11,5 *м* от современной поверхности. Поэтому пока удалось лишь зафиксировать горизонт лёссового материка, не исследовав лежащий на нем культурный слой.

Картина наслоений представляется следующей. В верхнем слое (ярусы XIV—XV, рис. 1) и на склонах обрыва лежат материалы (преимущественно керамика), датируемые на основе известных типов глазурованной посуды и одного фельса концом XII в. Разрозненными находками керамики представлен X в. Слой, лежащий ниже, содержал разновременный материал, что связано с несколькими этапами строительства, от которых остались обрывки когда-то значительных пахсовых стен. Наиболее

[1] Дневник В. А. Шишкина, 1963, тетрадь 75, л. 141.

[2] Там же, л. 83 и 85.

[3] В работах участвовали Л. Павчинская, Я. Амиров (1969 г.) и К. Алимов (1970 г.).

поздняя керамика этого слоя может быть отнесена к VIII в. н. э. Почти равным количеством фрагментов представлена здесь

Между XVII и XVIII ярусами проходит граница, отделяющая упомянутый материал от лежащих ниже зольно-гумусных

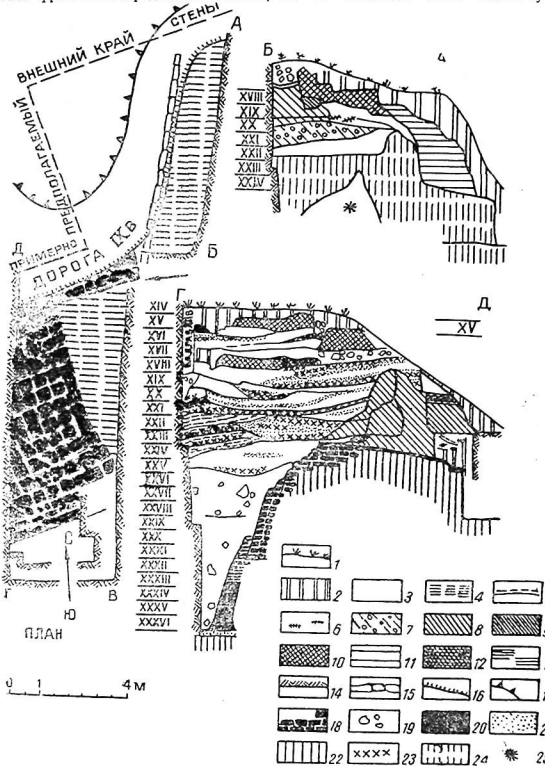


Рис. 1. Разрезы западного и северного отрезков восточной стенки раскопа 41/XVI и план городской стены IV—III вв. до н. э.

Условные обозначения: *1*—дерновый слой; *2*—рыхлый слой; *3*—плотный слой; *4*—горелые комья земли и обломки прокаленных обмазок; *5*—горелые уровни; *6*—остатки деревянных досок и древесный тлен; *7*—пахса с галькой; *8*—кладки городской стены II в. до н. э.; *9*—городская стена IV в. н. э.; *10*—стены средневековых жилых построек; *11*—городская стена XII в.; *12*—размытые кладки стен; *13*—сплошные уровни дороги IX в. и натеки; *14*—край раскопа; *15*—водоотвод; *16*—край дороги-пандуса IX в.; *17*—современный обрыв; *18*—кирпичные кладки IV—III вв. до н. э.; *19*—завал; *20*—пахсовая кладка IV в. до н. э.; *21*—зола; *22*—материковый лёсс; *23*—гумус; *24*—насыпной лёсс; *25*—слой с керамикой IV в. до н. э.

посуда, типичная для слоя Афрасиаб III. Здесь же встречены ножки ваз периода Афрасиаб V.

слоев с керамикой, близкой по облику сосудам периода Афрасиаб II, но со значительным количеством кубков. (Пред-

варительно период определен как переходный от Афрасиаба II к Афрасиабу III).

Эти слои (ярусы XVIII—XX, частично XXI) перекрывают верхушки кладок городской стены. Лежащие глубже зольно-гумусные слои (ярусы XXI—XXIII, частично XXIV) уже не дают кубков, а керамика их составляет комплекс, наиболее полно характеризующий период Афрасиаб II. Последние зольно-гумусные слои лежат у подножья и примыкают к упомянутым кладкам городской стены. Ниже хорошо выраженного горизонта залегают слои и кладки, носящие другой характер и служащие предметом данного сообщения.

Начиная с 4,5 *м* от поверхности (ярус XXIII) вглубь уходит кладка из квадратного сырцового кирпича (35—36×35—36×15—18 *см*). С внутренней стороны городища хорошо сохранилась поверхность кладки с уклоном 77—78°. Основание ее прослежено на глубине 8,70 *м* от поверхности (граница ярусов XXXI—XXXII). Внешний, сохранившийся край кладки отстоит на 6,25 *м* от внутреннего (считая по верху кладки). Кладка из квадратного кирпича врезана в более раннюю, из продолговатого кирпича. Последняя вскрыта на небольшом пространстве; размеры кирпича — 47—49×25—26×8—10 *см*.

Кладка из продолговатого кирпича сохранилась на высоту 1,70 *м* и положена на пахсовое основание высотой 2 *м*. Поверхности пахсовой и нижней кирпичной кладки совпадают, имеют тот же уклон, что и кладка из квадратного кирпича, но выступают по отношению к ней внутрь городища на 0,5 *м*. Под пахсовую стену уходит зольный слой толщиной 0,20 *м*, лежащий, видимо, на материковом лёссе. И зольник, и лёсс только прощупаны, и никаких материалов из первого получить не удалось.

Крепостной характер вскрытых стен не вызывает сомнения ввиду их мощности (сохранившаяся высота — 6,5 *м*, ширина — более 7,5 *м*, считая от края пахсовой кладки) и расположения на краю городища. Внешний край стены подрезан вертикально и переходит в горизонтальную площадку, открытую в сторону наружного склона. Однако этот профиль стены не был первоначальным, ибо здесь прошла мощеная сланцем дорога-пандус IX в. Уровень дороги почти совпал с древней лёссовой площадкой.

Раскоп позволил выявить особенности приемов древнего фортификационного строительства самаркандцев. Вскрытый участок стены представляет собой обкладку специально подтесанного лёссового холма. С восточной стороны, там, где холм обрывался, в продолжении линии стен была сделана засыпка, внешне почти не отличающаяся от материкового лёсса. В перемещенном лёссе следов деятельности человека не обнаружено.

Определить насыпной характер этого участка помогло одно обстоятельство. На площадке вдоль края городища (ярус XXVIII) обнаружена система кубуров, положенных непосредственно на материковый лёсс и протянувшихся в направлении север—юг вдоль среза, образованного дорогой IX в., но ниже ее уровня.

При расчистке водоотвода оказалось, что кубуры уходят под лёсс, принятый за материковый. Это заставило сделать поперечный разрез через лёссовую часть городской стены. Выяснилось, что лёсс по всей ширине стены лежит на тонкоструктурном слое, перекрывающем водоток из кубуров.

Объяснилось и скопление керамики в лёссовом массиве, в слое с четкими границами, принятом сначала за промоину (рис. 1, разрез Б—А, 25). Керамика из слоя, перекрытого насыпным лёссом, позволяет датировать эту часть стены периодом Афрасиаб I. Остается не вполне ясным, сделана ли эта часть насыпи в период ремонта стены из квадратного кирпича или при возведении пахсово-кирпичной облицовки.

Насыпной лёсс, естественно, не мог держаться без подпорной стенки, остатки которой сохранились над краем дороги IX в. в виде узкой полосы кладки (рис. 1, план). Судя по углу кладки у восточного края раскопа (показан стрелкой), она здесь поворачивала, оформляя край насыпного же массива (позднее отчасти срезанного дорогой), вдоль остатков которого расчищены кубуры. Если эта реконструкция справедлива, то здесь был стык стены с монолитом башни, выступавшей примерно на 5 *м*.

Конструкция древнейших самаркандских стен, судя по их остаткам, в принципе близка стене Бактр (предположительно кушанского периода)[4].

Основанием для датировки самаркандской стены служат материалы, извлеченные из примыкающих к ней завалов и слоев, перекрывших вместе с более поздними кладками интересующую нас стену. Как уже отмечалось, время накопления перекрывающих стену слоев определяется керамическим материалом периода Афрасиаб II, т. е. не моложе II в. до н. э.

Завалы, образованные при разрушении стены, по облику полученного материала делятся на два периода: нижний, над зольником, мощностью почти 4 *м* (ярусы XXIX—XXXVI), и верхний, мощностью 2,5 *м* (ярусы XXIV—XXVIII). Горизонт, разделяющий их, выражен слабо. Он соответствует уровню наружной лёссовой площадки и, примерно, границе между двумя кладками из разноформатного кирпича.

Верхний завал образован постепенным разрушением стены из квадратного кирпича. В нем прослеживаются зольные и гумусные прослойки. Полученные отсюда сосуды обладают всеми чертами керамики периода Афрасиаб II.

[4] M. Berre, D. Schlumberger. Observations sur les Remparts de Bactres. MDAFA, t. XIX, Paris, 1964, p. 74, 75, fig. 15, 16.

Более 40% всей столовой посуды (без кувшинов) составляют бокалы на маленьком плоском донце. Многие сосуды обработаны полосчатым лощением. Учитывая расположенные выше слои и кладки городской стены того же периода, накопление завала следует отнести к III в. до н. э.

Керамика из нижнего завала имеет совершенно иной облик. Здесь нет обычного для Афрасиаба II набора нескольких типов чаш, почти все сосуды не ангобированы, за исключением двух, покрытых снаружи светлым ангобом. По своим формам и качеству сосуды относятся к периоду Афрасиаб I, возможно к его концу, что позволяет датировать их, а следовательно и процесс разрушения первой на этом участке городской стены, временем не позднее IV в. до н. э.

Разница между керамикой из нижнего и верхнего завалов, несмотря на некоторые общие формы, существенна. Сосуды из верхнего завала приобрели черты, свидетельствующие о новых тенденциях в керамическом производстве. Если время возведения пахсово-кирпичной стены предшествует захвату Мараканды, то, возможно, она разрушалась в связи с нашествием войск Александра Македонского. Следов нарочитого разрушения здесь не ощущается. Очевидно только, что после обрушения верхних рядов внутренней обкладки стены она была отремонтирована кирпичом другого формата. В период разрушения этой ремонтной стены облик материальной культуры *горожан успел сильно измениться*.

Керамика периода Афрасиаб II, найденная в слоях разрушения стены из квадратного кирпича, несет явные следы влияния греческой посуды. Наиболее четко оно проявилось, видимо, вскоре после нашествия греков. Можно полагать, что смена формата кирпича совпала с переменами в других сферах жизни самаркандцев. Тогда стену, встроенную в кирпичную кладку из продолговатого кирпича, следует отнести к ремонтам после событий, связанных с греческим завоеванием и восстаниями местных жителей.

Поскольку разрушение стены из квадратного кирпича проходило, видимо, в III в. до н. э., то ее возведение не может быть датировано позднее начала III в. до н. э., а скорее — концом IV в. до н. э.

На основе одного лишь описанного северного раскопа (квадрат 41/XVI), где великолепно сохранившаяся стена не оставляет никаких сомнений, можно говорить о существовании первого укрепления Самарканда в середине I тыс. до н. э. (самая верхняя допустимая дата — начало IV в. до н. э.), что подтверждается наблюдениями и в других пунктах Афрасиаба (рис. 2) с менее выразительными, но не менее существенными для истории города остатками оборонительных сооружений.

Стечение удачных обстоятельств, позволивших доказать насыпной характер лёссового массива, дает возможность восстановить конструкцию первых укреплений на Афрасиабе. Очевидно, при возведении оборонительной линии учитывался и экономно использовался рельеф местности. Обследование русла и террас Сиаба, проведенное весной 1970 г. географом Р. Л. Югаем совместно с Ю. Ф. Буряковым, показало, что современное русло протока относительно первоначального углубилось на 11,5 *м*. То же самое, но не столь интенсивно, происходило и с протоком у западного фаса городища.

Вдоль его западного края (на самом городище) прослежено древнее русло шириной до 20—25 *м*. Оно лежит примерно на 10 *м* выше современного подножья холмов и проходило здесь задолго до появления первых стен, а, быть может, и задолго до первого поселения. В таком случае древние холмы на месте современного Афрасиаба не были столь высоки, как сейчас. Тем не менее местность была сильно пересечена, некоторые участки ее (как около мазара Ходжа Даниара) по уровню совпадали с поймой, другие (как на севере городища) лежали на высоте 20—25 *м*.

При столь резкой пересеченности местности проведение внешней линии оборонительных сооружений требовало возведения в низинах насыпей, земля для которых бралась с необжитых верхушек близлежащих холмов (чем и объясняется отсутствие в них признаков жизни человека), и подтески сильно возвышающихся холмов, которым придавалась конфигурация стены.

На холмистых участках изнутри города вприпык к подтесанному лёссу строилась пахсовая или кирпичная стена с уклоном поверхности около 80°. В местах понижения рельефа возводились внутренняя и внешняя обкладки, пространство между которыми засыпалось землей. Уклон наружных кладок и подтесанных заподлицо с ними холмов, судя по примерам фортификации других городов, делался более отлогим (часто около 60°).

По внешнему краю образовавшихся таким образом склонов на высоте около 15 *м* оставляли горизонтальную площадку, вдоль которой велась уже монолитная или с внутренним коридором кладка. Необходимость отступа от края холма диктовалась свойством лёсса слоиться на обрывах по вертикали, чему способствовала бы тяжесть стен и что, видимо, было известно древним строителям укреплений.

Крепостная стена города с некоторым отступом для площадки следовала подтесанным контурам склонов холмов, временами отступая внутрь городища и образуя защищенные с трех сторон террасы, что отмечено для стены с внутренним коридором на пахсово-галечном основании[5] и для более древней стены (рис. 1, план).

[5] С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, Советская археология, 1969, № 1, рис. 2.

Устройство на большой высоте от подножья стены открытых вовне террас — видимо, устойчивый прием фортификации, дожившей до позднего средневековья. Мы находим его выражение в архитектуре сельской усадьбы V—VI вв. под Самаркандом, близ Кафыр-Калы. Аналогичный принцип устройства открытых площадок в крепостной стене применен и в фортификации Герата XV в.[6]

Стратиграфия древнейших городских стен представлена на участке раскопов 6 и 12[7] (рис. 2).

На материковом лёссе в разрезе 12 ясно видна наружная площадь — терраса с лежащим на ней завалом, а на внутреннем краю площадки, на невысоком лессовом обрывчике, — слабые остатки пахсовой (?) кладки. Площадка, обрывчик и кладка имеют тот же вид, что и наружный край описанной мощной стены на раскопе

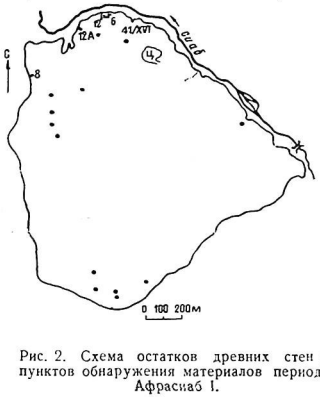


Рис. 2. Схема остатков древних стен и пунктов обнаружения материалов периода Афрасиаб I.

41/XVI. Выше их остатков, в 4—5 *м* восточнее, лежит основание пахсовой стены с внутренним коридором, между полами которого найдена керамика конца периода Афрасиаб I, а на этой пахсовой стене стоит стена с пахсово-галечным основанием.

Сейчас трудно сопоставить две первые стены со строительными этапами, известными на раскопе 41/XVI. Вероятно, завалы и слабые остатки кладки над площадкой соответствуют первой пахсово-кирпичной стене (41/XVI). Стены, соответствующей пахсовой с коридором, восточнее на квадрате 41/XVI не обнаружено, но зафиксированы остатки стены на пахсово-галечном основании.

В восточной части раскопа 41/XVI прослежен слой насыщенной галечником пахсы, над которым сохранились кладка стены и тлен от толстых досок. Понять эти остатки помогают раскопки упомянутой стены на пахсово-галечном основании и с устланным толстыми досками внутренним коридором (раскоп 6)[8]. На описываемом участке стратиграфически подтверждается возведение этой стены либо в конце периода Афрасиаб II, либо в переходное время от II периода к III.

Обнаружение следов той же стены на значительном расстоянии (около 150 *м*) от исследованного ранее участка заставляет предположить в период между концом III и серединой II вв. до н. э. возобновление либо всех фортификационных сооружений Самарканда, либо значительной части их.

Поскольку и сейчас в публикациях появляются высказывания о размерах Мараканды, ограничивающие собственно город пределами так называемого первого кольца укреплений, напомним еще раз о тех фактах, которые свидетельствуют об обширности города. Места, где вскрыты очевидные остатки первой по времени из известных нам городских стен, расположены, правда, в основном по северному фасу городища (рис. 2, раскопы 12, 12а, 6, 41/XVI), но в одном из разрезов они выявлены и на северо-западе (раскоп 8). Пункты с залеганием слоев периода Афрасиаб I сейчас располагаются почти равномерно и постоянно дают новые находки.

В 1970 г. в самом центре городища в перемещенном отвале найден фрагмент сосуда хорошей выделки с острым ребром в нижней части тулова. В этом же году у мазара Ходжа Даниара, в овраге, на уровне древней поймы Сиаба, было выявлено русло мощного протока, заполненное послойно то крупным песком, то крупной (диаметром до 15 *см*) галькой. Русло проходило с юга по направлению к современному ложу Сиаба. Среди аллювиальных отложений найдено несколько фрагментов керамики, один из которых представляет стенку большого сосуда с сильным изгибом.

На краю протока из периодически затоплявшегося зольника извлечены фрагменты котла, изготовленного на матерчатом шаблоне грубого полотняного плетения, а также манжетовидный венчик банкообразного сосуда.

Под руслом залегает слой толщиной не менее 1 *м* с керамикой, угольками, костями животных. Потребуются еще раскопки, чтобы получить представление об этом участке, но важно само обнаружение нового пункта древнейшего слоя на Афрасиабе. Определить же происхождение

[6] См. Г. А. Пугаченкова. Искусство Афганистана, М., 1963, стр. 142—143, рис. на стр. 141.

[7] Работы проводились под руководством М. И. Филанович.

[8] С. К. Кабанов. Указ. соч., стр. 184—187.

бурного потока, затопившего часть поселения, можно только с помощью гидрогеологов.

Что касается протяженности стены Мараканды, то вряд ли сейчас можно прийти к определенному мнению, подкрепленному фактами. Если принять цифру, приведенную Курцием, за близкую к истинной, то единственно вероятным окажется предположение М. Е. Массона о возможности идентификации внешней стены Мараканды с остатками стены Дивори-Кундаланг[9]. Только на основе этих остатков можно реконструировать стену сельской округи древнего Самарканда, протяженность которой приближалась бы к 70 стадиям (примерно 13 *км*).

Тот факт, что собственно город, помимо цитадели и сельской округи (если стена таковой существовала), в период, предшествующий приходу греков, уже был окружен крепостной стеной, сейчас не вызывает сомнений, даже при возможных ошибках в датировке.

Нет оснований ограничивать размеры первого городского укрепления Самарканда пределами так называемого первого кольца стен. (Роль его в развитии города пока неясна; возможно, оно никогда не имело первостепенного оборонного значения). Напротив, все археологические данные говорят в пользу более обширного города, занимавшего если не весь, то значительную часть Афрасиаба.

Г. В. Шишкина

[9] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, Вестник древней истории (ВДИ), 1950, № 4, стр. 158. Но отнюдь не Дивори-Киямат, как у И. В. Пьянкова (Мараканды, ВДИ, 1970, № 1, стр. 41).

СОДЕРЖАНИЕ

К 2500-летию Самарканда

И. М. Муминов. Самарканду — 25 веков. 3
С. К. Зиядуллаев. Расцвет экономики Советского Самарканда. . . . 13
К. А. Акилов. Успехи социалистической культуры Самарканда. . . . 20
М. А. Ахунова. Самарканд в международных связях Советского Узбекистана 28
Ш. З. Салямова. Создание и укрепление коммунистических организаций Самарканда 36
Х. Ш. Имоятов. Установление и упрочение Советской власти в Самарканде. 42
Г. Р. Рашидов. Самарканд — первая столица Узбекской ССР. . . . 50
В. А. Абдуллаев Б. Н. Валиходжаев. Самарканд литературный. . 56
Т. Н. Кары-Ниязов. Самарканд — центр научной мысли Мавераннахра XIV—XV веков. 61
Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Новые данные по истории древнего Самарканда. 68
А. Аскаров, Н. Ташкенбаев. Древнейшее прошлое Самарканда. . . 79

Научные сообщения

Х. Исаев. Осуществление ленинского кооперативного плана в Самаркандской области 85
М. А. Израилов. Страницы истории профсоюзов Самарканда. . . . 88
В. И. Ефимов. Трудящиеся Самарканда в годы Великой Отечественной войны 91
Р. А. Нуруллин. Проведение политики «военного коммунизма» в Самарканде и области. 93
М. Тагиев. Раватходжинская плотина и ее значение для орошения Самаркандского оазиса. 95
М. М. Абрамов. Из истории Самарканда конца XVIII—начала XIX века. . 98
Р. Г. Мукминова. К характеристике самаркандских тканей конца XV—XVI века 100
Г. В. Шишкина. Древнейшая оборонительная стена Самарканда . . . 102